

Времена и даты

БОРИС БЬЁРКЕЛУНД (1893–1976)
русский морской офицер, писатель-мемуарист

Борис Бьёркелунд и его воспоминания

Вступительная статья

Пестрый ковер истории состоит из множества разноцветных нитей человеческих судеб. Нить жизни автора представленных воспоминаний не была прямой и одноцветной, она то и дело запутывалась в немислимые узлы, рискуя оборваться в самый неожиданный момент, но затем вновь выпрямлялась.

Во многом эти воспоминания можно назвать уникальными, поскольку их автор, бывший защитником Самодержавия в дни Февральской революции 1917 г., жителем голодного Петрограда времен «военного коммунизма» и, наконец, в течение десяти лет узником сталинского ГУЛАГа, — выжил, несмотря ни на что, и сумел донести до нас в своих книгах и мемуарах правду о пережитых им событиях.

Борис Владимирович Бьёркелунд родился в Санкт-Петербурге 8 сентября 1893 г. и был единственным сыном в семье финляндских шведов. Его отец Владимир Гаврилович (Вольдемар Густавович)

Бьёркелунд происходил из семьи мелких землевладельцев прихода Кирконулина Нюландской губернии (Великого Княжества Финляндского) и служил в петербургских компаниях стивидором — подрядчиком, осуществлявшим контроль над морскими перевозками. Мать — Валентина Ивановна, дочь инженера фирмы «Нобель» И. Стенберга, служила по Ведомству учреждений императрицы Марии и была преподавателем, а затем смотрителем приютов Ведомства.

Брак родителей не был счастливым, и они разошлись, когда их сыну было три года, но их положение в обществе обеспечило Б. В. Бьёркелунду возможность получить хорошее образование и сделать карьеру. После окончания в 1911 г. Реального училища Бьёркелунд избрал стезю морского офицера и поступил в Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Корпус, из которого был выпущен в 1915 г. с производством в чин мичмана.

Патриотический настрой, охвативший русское общество со вступлением России в Первую мировую войну, не мог не отразиться на восприятии новоиспеченного русского офицера, идеалистически верящего в победу своей родины и неизбежность самодержавной власти, которой он присягал. С большим энтузиазмом мичман Бьёркелунд поступает во 2-й Балтийский флотский экипаж и на линкоре «Петропавловск» в 1916 г. участвует в боях с германцами, где получает легкую контузию.

Его отправляют на излечение в Петроград, где он становится участником драматических событий начала Русской Смуты в феврале 1917 г. К изумлению мичмана Бьёркелунда, все попытки предупредить и подавить беспорядки со стороны офицерства разбиваются о полное равнодушие и преступную инертность командного состава, итогом чего становится зримое превращение 2-го Балтийского флотского экипажа из лояльной части в мятежную и революционную, идущую 1 марта 1917 г. во главе с командиром генерал-майором Гирсом изъявлять лояльность бунтарской Государственной Думе.

Развязка не заставила себя ждать: в ту же ночь командир Экипажа был убит матросами, вместе с ним пострадали и другие морские офицеры, в том числе и дежурный офицер мичман Борис Бьёркелунд, которому матросы нанесли черепно-мозговую травму.

Придя в себя, Бьёркелунд узнал об отречении Николая II. Он так описывает перелом, произошедший после этого события в сознании морского офицера, внутренне не принявшего революцию:

«Одним из столпов всех установок был Царь. Это была личность для нас символическая, и за нее любой из нас должен был быть готов отдать все, вплоть до жизни. И вдруг этот Царь отказался быть Царем, и в то же время жизнь у нас стали отнимать за то, что мы готовы были отдать ее за Царя, и именно тогда, когда Царю она была совершенно не нужна. Были генералы, адмиралы, сановники; все они были ставленниками Царя и поэтому имели авторитет в наших глазах. И вдруг все они, или большинство из них, стали изменниками, заговорщиками против того, кому присягали, с невероятной легкостью они надели красные банты, правда, не всегда спасавшие их от самосуда толпы, но зато вполне подтверждавшие их сущность. Люди, в силу революции вышедшие в министры и представители власти, говорили и делали вещи, совершенно не укладывавшиеся в понятия и представления морского офицера, а матросы — „команда“ — оказались не „христолюбивым воинством“, а разбойниками, убийцами и трусливыми спекулянтами».

Бьёркелунд с ужасом наблюдал за всем происходящим вокруг. Его воспоминания содержат немало ценных зарисовок и наблюдений о тех кардинальных изменениях, которые происходили в поведении русского общества того времени. Люди христосовались на улице, несмотря на Великий пост. Дядя Бьёркелунда — лейбхирург Р. Р. Вреден и его мать — начальница одного из приютов Ведомства Учреждений императрицы Марии, до того считавшиеся сверхблагонадежными, ходили с красными бантами. Многие были всерьез убеждены, что наступила «новая эра свободы», которая поможет выиграть России в войне и разрешит все проблемы. При попытке возразить и привести более реалистичные доводы, вспоминал Бьёркелунд, натакивался на то, что «на меня смотрели, как на дурака, и объясняли мои взгляды старой закваской».

Пережитые травмы, разочарование и крушение идеалов, вкупе с предвкусением большой беды, которая не преминула грянуть через несколько месяцев, заставили Б. В. Бьёркелунда оставить службу во флоте, выйти в отставку, а последовавшие за февралем 1917 г. события нещадно разбили иллюзии русской общественности и доказали правоту Бориса Владимировича.

Взгляды, высказанные в воспоминаниях Б. В. Бьёркелунда, не являются единичными и, несомненно, служат доказательством того, что если не бóльшая, то существенная часть предреволюционного офицерства была готова встать на защиту пошатнувшегося монархического режима, но, к сожалению, этот потенциал не был использован рухнувшей властью.

В следующие месяцы рокового 1917 г. Бьёркелунд ощущает всю степень обреченности и трагичности, в которой оказалась его родина. Ненависть думских и советских революционеров (А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, В. И. Ленина), Бьёркелунд, тем не менее, глубоко презирает «революционеров в погонах», олицетворением которых для него был генерал Л. Г. Корнилов. Отношение к последним предопределяет последующее неучастие Бьёркелунда в Белом движении. Сам автор говорил об этом периоде так: «Многие могут объяснить мой уход с поля брани в личную жизнь трусостью, но это неверно. Я руководствовался не этим чувством, а сознанием бесполезности жертвовать собою с вероятностью почти 100 % гибели за дело, которое спасти нельзя, особенно под начальством и руководством лиц, которые всю эту обстановку создали и которых я всей душой презирал». В этом смысле октябрь 1917 г. и захват власти большевиками был для него ужасным, но вполне ожидаемым событием. В 1918 г. Петроград опускается в мрачную атмосферу «красного террора», военного коммунизма, трудовых повинностей, топливного и продовольственного кризиса, облав, обысков, бандитизма и пр. Единственным желанием русского морского офицера в этот страшный для Петрограда период становится желание «выжить». Для этого Борису Владимировичу приходится изобретать разные способы, вплоть до спекуляции.

В 1921 г. Бьёркелунд, испытывавший отвращение ко всему происходящему в РСФСР и желавший принести пользу Финляндии (которую от всего сердца не хотел видеть «красной»), оказался вовлечен в финскую разведывательную сеть на северо-западе Советской России. Имея возможность часто перемещаться по региону в качестве служащего системы советского снабжения, Борис Владимирович доставляет финской разведке немало ценной информации и военного, и социально-экономического характера, а также организует переправку в Финляндию вооружения. В конце своего пребывания в России ему удается сколотить небольшую группу лиц, которые помогали ему в этом деле.

После относительной нормализации отношений между Советской Россией и Финляндией финский гражданин Б. Бьёркелунд получает возможность выехать в Финляндию. Радостная новость была омрачена известием о том, что советские чиновники отказываются выпустить его супругу, Марию Александровну Бьёркелунд, (урожд. Боричеву) и дочь из страны. По приезде в Финляндию Бьёркелунд, используя свои контакты с представителями финской разведки, получает место дипломатического курьера Финляндского МИД в Советской России. Это дает ему возможность часто бывать в Петрограде, навещать семью, а также вести работу по развитию Петроградский разведывательной сети в интересах его новой родины. Осенью 1922 г. чекистам удалось раскрыть «группу Бьёркелунда», имя которого, впрочем, на процессе даже не упоминалось. Большинство из участников группы позже были отпущены, так как органы ОГПУ не смогли доказать в Ревтрибунале их причастность к финской шпионской сети, но личной драмой Бориса Владимировича стал

арест и осуждение в качестве соучастницы его супруги, которая вместе с малолетней дочерью (вскоре умершей) была отправлена в тюрьму.

Провал «группы Бьёркелунда» в Петрограде в 1923 г. закрыл ему возможно-сти въезда в Советскую Россию в качестве дипломатического курьера. Он получил предложение от полковника К. Мальмберга, возглавлявшего разведку Финского Генерального Штаба, о поступлении в качестве чиновника в Финский Генеральный Штаб, которое было принято Бьёркелундом. В его задачи на новом месте входил анализ советской партийной и военной прессы и открытых изданий на предмет выявления в них данных о возможности агрессивных действий против Финляндской республики. С этой задачей Бьёркелунд справляется успешно, и его отчеты высоко ценились начальством. В тот период он использовал свое укрепившееся положение для того, чтобы вызволить супругу из советского заключения. Вернувшаяся после долгих хлопот в 1927 г. жена оказалась человеком замкнутым, с совершенно расстроенной психикой, что делало их совместную жизнь невозможной, и в 1930 г. по взаимному согласию брак между Борисом Владимировичем и Марией Александровной был расторгнут.

В этот период судьба послала Борису Владимировичу новую спутницу жизни, коей стала дочь полковника Русской Императорской армии Ирина Романовна фон Раупах (род. в 1908 г.); с ней в ноябре 1931 г. Борис Владимирович сочетался узами брака, который оказался прочным и счастливым.

Выйдя в отставку со службы в Генеральном Штабе в 1938 г., Бьёркелунд полностью отдался своему антикварному и рекламному бизнесу, который давно уже кормил его семью больше, нежели госслужба. Начавшаяся война с СССР (сначала «Зимняя» 1939–1940 гг., а затем «Война продолжения», как в Финляндии называют участие во Второй мировой войне в 1941–1944 гг.) никак не затронула супружескую чету Бьёркелунд, которые взирали на все происходящее с позиции простых граждан. В апреле 1945 г. гражданин Финляндии Б. В. Бьёркелунд неожиданно для себя отправился в «путешествие», из которого ему было суждено возвратиться через 10 лет. Он был арестован у себя на квартире финской полицией и вместе с девятнадцатью другими несчастными был отправлен в СССР. Как выяснилось позже — по требованию Советской контрольной комиссии, находившейся в Финляндии после выхода страны из войны. По приказу министра внутренних дел Финляндии коммуниста Ю. Лейно, 20 лиц, среди которых были и финские граждане (в том числе Б. Бьёркелунд), без суда и следствия были переданы в СССР в качестве «военных преступников». В финской историографии они известны как «узники Лейно». Вся нелепость обвинения в военных преступлениях Бориса Бьёркелунда, который не принимал участия в войне, была очевидна для всех, но только не для сталинской карательной машины. В лагерной эпопее Бориса Бьёркелунда было многое; несколько раз он был на краю гибели — из-за голода и болезней, но оптимизм, вера в будущее и любовь верной супруги позволили преодолеть всю душевную и физическую боль и невзгоды судьбы.

Вырвавшись в конце 1955 г. из советского плена, больной, разбитый, но не сломленный шестидесятидвухлетний Борис Бьёркелунд вернулся в Финляндию, где его ждала преданная жена.

Из двадцати вывезенных в 1945 г. «узников Лейно» обратно вернулись только одиннадцать человек. Финляндские власти, желая загладить вину перед ними, назначили им скромную пенсию. Будучи не в силах продолжать рекламное и антикварное дело, вынужденно оставленное в 1945 г., Борис Владимирович вернулся к образу жизни простого обывателя с ее скромными радостями, к каковому так долго стремился. В этот период Бьёркелунд старался больше времени проводить в обществе

своей супруги и друзей; увлекался разведением собак; часто жил вдали от столичной суеты на даче в небольшом городке Оталампи.

В начале 1960-х гг. Бьёркелунд, желая донести до мира всю правду о пережитом, приступил к написанию воспоминаний. В 1966 г. на финском языке вышла его книга о десяти годах пребывания в СССР (Boris Björkelund. Stalinille menetetyt vuoteni: elämäni vaiheet 1945–1955. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1966), она имела большой резонанс, и издатели выпустили два дополнительных тиража по 15 000 экземпляров. Борис Владимирович работает над русским вариантом этой книги под весьма характерным названием «Путешествие в страну всевозможных невозможностей» и ведет обширную переписку с российскими эмигрантскими издателями в Европе и Америке на предмет возможного опубликования этой книги. Но скромные возможности русских зарубежных книгоиздателей не дали осуществиться замыслам автора. Только в 1971–1972 гг. газета «Русская жизнь» (издаваемая в Калифорнии) взялась опубликовать газетный вариант этого исключительного по правдивости труда, отражающего трагическую судьбу сотен тысяч узников ГУЛАГа; труда, достойного встать в один ряд с «Россией в концлагере» И. С. Солоневича, «Архипелагом ГУЛАГ» А. И. Солженицына и «Колымскими рассказами» В. Т. Шаламова. Так называемый «железный занавес» и скромный тираж эмигрантской газеты не позволили познакомиться с этими воспоминаниями российским читателям.

Одновременно Бьёркелунд ведет работу над воспоминаниями о своем беззаботном детстве в довоенной России и о суровом времени, пережитом в Петрограде в 1917–1922 гг. Тяжелая болезнь остановила труды Бориса Владимировича, а 25 апреля 1976 г. он скончался.

В архиве автора в Хельсинки остались лишь две неоконченные рукописи — «Детство» и «Революция 1917 года», которые сейчас представляются на суд читателям журнала «Русский Миръ». Из них до этого увидел свет лишь отрывок из III главы рукописи «Революция 1917 года», опубликованный в 1970 г. в № 107 парижского журнала «Русская быль», который издавался однокашником автора по Морскому Корпусу лейтенантом А. А. Герингом (1895–1977).

Публикация неоконченных произведений Бориса Бьёркелунда, равно как предстоящий выход его книги «Путешествие в страну всевозможных невозможностей», стали возможны благодаря стараниям его вдовы Ирины Романовны Бьёркелунд, которая бережно хранила память о своем ушедшем супруге.

Ирина Романовна передала в Россию наследие Б. В. Бьёркелунда в виде бесценных интересно и живо написанных воспоминаний, содержащих много наблюдений и размышлений автора, которые заставят читателя окунуться в сложную и трагическую эпоху и будут, несомненно, интересны самому широкому кругу читателей, увлекающихся прошлым России и историей Русского зарубежья.

Сергей Маньков

ВОСПОМИНАНИЯ

Детство

Петербургская сторона¹ города Санкт-Петербурга во времена моего детства напоминала маленький городок, живший собственной самостоятельной жизнью. Несмотря на то, что имелась конка², соединявшая Петербургскую сторону с другими частями города, каждая поездка за пределы Петербургской стороны была событием. Говорилось: «Завтра я поеду в город».

Главная магистраль, Большой проспект, была вымощена булыжником, но все многочисленные пересекающие ее улицы, кроме Матвеевской³, Широкой⁴, Введенской⁵, Спасской⁶, Гребецкой⁷ и Зверинской⁸, были немощены, а вместо тротуаров были проложены мостки, под которыми скрывались канавы. Во время дождей, весенней и осенней распутицы проезд по этим улицам был более чем затруднителен.

Проспект освещался газовыми фонарями с одной горелкой, боковые же улицы имели керосиновые фонари, так называемые «Жуковки» (по имени купца Жукова⁹, когда-то имевшего подряд на освещение города). Фонари эти светили в объеме своего освещенного пространства и вызывали различного рода остроты со стороны обывателей и куплетистов в увеселительных учреждениях. Для обслуживания этих фонарей имелся штат так называемых фонарщиков, утром обегавших свой район с легкими лестницами и гасивших фонари; днем они наполняли их керосином, чистили стекла ежиком и прислоняли последние наискось внутри фонаря; с наступлением же сумерек фонарщики снова появлялись на улицах и зажигали лампочки.

В те времена кинематографов не было, и жители удовлетворяли свою потребность в зрелищах, наблюдая за происходящим на улице из своих окон, отчего, в особенности во вторую половину дня, можно было почти в каждом доме видеть людей, навалившихся на подоконники и с большим интересом провожавших взглядами каждого прохожего. Для большего удобства под локти обычно подкладывались подушки. Мои родители считали такое времяпровождение неприличным, и мне строго воспрещалось заниматься подобным, с чем я плохо считался, и, когда меня в 8 часов вечера укладывали спать, я вылезал из кровати, отодвигал занавеску и с интересом наблюдал уличную жизнь. <...>

А, между прочим, на улицах происходили вещи, не лишённые интереса. Во-первых, ходили разного рода торговцы, громкими голосами извещавшие о роде продаваемых ими товаров. «Огурчики зеленые! Огурчики!» — кричали одни; «Арбузы, арбузы!» — солидным басом говорили другие; «Селедки голландские, селедки!» — тоненькими и пронзительными голосами сообщали бабы; «Чинить, паять, лудить, котлы чинить, кастрюли паять», — нараспев заливались чинильщики. Более коротко возвещали татары, скупавшие всякое старье: «Халат, халат, — добавляя иногда: — Покупаем, продаем, — и, наконец, совсем коротко: — Костей, тряпок».

В летнее время разъезжали по городу мороженщики, чем очень соблазняли мою персону, которой было категорически воспрещено это мороженое есть, так как, по мнению моей бабушки, оно делалось из молока, в котором в больницах купали больных. Говорилось это, очевидно, чтобы пробудить во мне чувство брезгливости, но, вполне допуская такую нелепую возможность, я все же охотно пожирал продаваемое мороженое, когда к тому являлась какая-либо возможность в виде 3-х или 5-ти копеек, какими-либо путями попадавших в мое распоряжение. Между прочим, молоко, продаваемое в лавках, вполне заслуженно пользовалось репутацией фальсифицированного или разбавленного водой, и население стремилось приобрести молоко непосредственно у приезжавших в город крестьянок, главным образом с Карельского перешейка и из ингерманландских деревень, или у живших в окрестностях немецких колонистов. Некоторую помощь в этом отношении оказывали еще обыватели, которые держали коров в городе. В этом случае у ворот вывешивалось объявление, гласившее: «Парное молоко». Кстати, для этих коров, именовавшихся «городским стадом», имелся довольно большой выгон, который помещался в конце Широкой улицы и тянулся до Крестовского моста. Летом, когда рано светало, пастух утром обходил боковые улицы и собирал коров в стадо, играя на рожке. Вечером он приводил их обратно. Это тоже было зрелище, которым я любовался из окна или с забора сада, так как наш сосед как раз держал коров.

По улицам бегало бесконечное количество собак невиданных смесей, в своем большинстве не имевших хозяев. Между собаками часто возникали драки, привлекавшие восторженное внимание прохожих, подбадривавших дерущихся свистом и бросанием в них фуражек. Еще большее оживление вызывали «собачьи свадьбы», в которых считали своей обязанностью принимать живейшее участие «молодцы» из близлежащих лавок, явно считавшие такие представления пикантными кабареточными номерами и изощрявшимися по этому поводу в своем остроумии.

На улицах играли дети всех возрастов и размеров; среди них тоже происходили драки, служившие развлечением для обывателей, подбадривавших дерущихся возгласами вроде «поддай, поддай ему». Между прочим, эти «уличные мальчишки» немало беспокоили родителей приличных детей, опасавшихся «дурного влияния» на своих отпрысков.

Особую статью составляли китайцы в скромных национальных костюмах с длинными косами и в мягких туфлях на очень толстых подметках, в которых была заделана «родная китайская земля». Они продавали чесучу¹⁰ и китайские шелка. В руках они несли аршин и, в отличие от других торговцев, были молчаливы, считая, очевидно, что за них говорит их костюм и наружность.

Весной можно было видеть ярославцев, известных в России своими коммерческими способностями, с большими, завернутыми в грубый холст тюками, в которых они разносили ярославские полотна и полотенца, посещающая из года в год своих более или менее постоянных покупателей, которые пополняли свои запасы постельного белья.

Но самым захватывающим зрелищем был выезд пожарной команды на пожар. Тут энтузиазм был общим. В окнах появлялись все жильцы домов,

многие выскакивали, независимо от времени года и погоды, на улицу и, в случае если пожар был относительно недалеко, мчались за пожарной командой. Должно сознаться, что зрелище было действительно эффектным. На некотором расстоянии впереди скакал так называемый «скачѣк», свистевший в весьма пронзительный свисток, долженствующий призывать внимание обывателей и пробуждать их освободить улицу. За скачком карьером¹¹ скакала «линейка», запряженная четырьмя–шестью конями, на ней рядом с кучером сидел трубач, игравший безостановочно тревожный сигнал. На линейке пожарные в начищенных медных касках типа римских шлемов сидели по обеим сторонам, а по середине линейки, держась за древко развивающегося знамени пожарной части, стоял, независимо от времени года, сам брандмейстер¹². Нужно оговориться, что зимой его сюртук был на лисьей подкладке.

Вслед за линейкой везли на парных закладках две-три бочки, а за ними на тройке — повозку со шлангами и разным пожарным оборудованием; замыкался же этот кортеж громадной раздвижной лестницей. Все это сопровождалось толпой мальчишек всех возрастов, мчавшихся по тротуару и по мостовой с криком и гиканьем, затем наступала некоторая пауза, после которой появлялась на рысях тройка, везшая паровую помпу, на задней площадке ее стоял пожарный и шуровал топку. На некоторое время наступало успокоение, и только обыватели переговаривались между собой, сообщая друг другу «пантофельные» новости¹³, где, мол, горит и что там происходит; учитывая, что Петербургская сторона была на 90 % деревянная, то пожары были тотальные и весьма зрелищные. Тушение производилось исключительно водой, так как химических средств не имелось, а о пожарных кранах, покрывших впоследствии город, никто не мечтал. Пожарные команды разных частей города¹⁴ имели каждая лошадей своего цвета, так Петербургская — караковых, Василеостровская — рыжих, Знаменская — серых в яблоках, Спасская — белых с рыжим пятном и т. д.

Пожарам весьма способствовало керосиновое освещение и печное отопление. В квартирах обыкновенно по вечерам дежурная лампа горела в каждой комнате, когда же в начале столетия в большинстве домов провели электричество, то квартиры погрузились в темноту, так как хозяева строго наблюдали, чтобы свет гасился, когда комната покидалась, и это первое время вызывало в семьях много ругани.

Вторым усовершенствованием были телефоны¹⁵, появившиеся в начале столетия. Сначала телефоны считались роскошью и их было мало, задавались вопросы: «А вы умеете говорить по телефону?» Бабушка моя так этому искусству и не научилась, прожив до 1932 года; она принадлежала к тем, в то время немногим, которые никогда в жизни не прибегали к этому виду связи. На Большом проспекте было несколько каменных домов, сосредотачивались они, главным образом, в районе между Введенской и Тучковым мостом, на отрезке же, на котором протекала моя молодая жизнь, а именно между Каменноостровским и Введенской, было максимум 10–12 каменных домов, да и то некоторые из них были лишь заштукатурены под каменные, самые высокие из них — четырехэтажные. На боковых улицах каменных домов вообще не имелось, а были двухэтажные домики, в большинстве вмещавшие

две квартиры, в одной из которых, в нижней обычно, жил сам домовладелец. Во дворах были службы, коровники, курятники, садики, огороды. От внешнего мира такой участок был огорожен довольно-таки высоким забором, на дворах же обычно понаделаны низкие заборики, отделявшие огородики от сада, а садики от двора. Эта приверженность русских людей к заборам весьма характерна и сохранилась и по сию социалистическую эру.

От улицы пространства между домами были отделены высокими сплошными заборами, препятствующими посторонним взглядам видеть то, что делается на участке. Для воспрепятствования проникновению нежелательных лиц насильственным путем по верху заборов набивались гвозди остриями вверх.

Борис Бьёркелунд.
Фото 1901–1902 гг.

Должен сказать, что, как правило, как в самих домах, так и на двориках было весьма чисто и уютно. С наступлением сумерек окна нижнего этажа, выходящие на улицу, одевались ставнями. У большинства домов по правой стороне Большого проспекта, считая от Каменноостровского, были палисадники, в которых в теплую погоду можно было видеть обывателей в довольно-таки растерзанных туалетах, попивающих чай. Однако, несмотря на столь строгие изоляционные меры, жизнь соседей была известна, как и сами они.

Рядом с нами с одной стороны был дровяной дом, длинными красными заборами выходящий как на Большой проспект, так и на обе боковые улицы. Сыновья или приказчики имевшего дом купца целыми днями стояли у настежь раскрытых ворот и глазели на проходившую публику. Оба были щеголевато одеты по самой последней «прикащицкьей» моде, а именно: в синих «тройках» (синий пиджак, жилет и брюки), заправленные в щеголеватые лакированные высокие сапоги, и с «московскими» фуражками¹⁶ на головах. Иногда эти молодые люди загуливали, и их можно было видеть скачущими на «лихачах», стоя в пролетке, и подстегивающими несущегося рысак кнутом, взятым у кучера.

Здесь, пожалуй, уместно будет упомянуть о «лихачах» вообще и извозчиках в частности. «Лихач» — это был извозчик, обладавший хорошей коляской, а зимой — санями с медвежьей полостью и кистями, почти волочившимися по земле, и, конечно, хорошим рысаком.

Лихачи имели в городе определенные стоянки, между прочим, не столь многочисленные, куда лица, желавшие ими воспользоваться, и должны были отправиться. В нашем районе они стояли на углу Введенской и Большого. В городе стоянки были на углу Большой Конюшенной и на углу Троицкой. В большинстве случаев к лихачам прибегали, когда закучивали или хотели прокатить девицу. У лихачей была своя неписаная такса, поездка на острова и обратно в город стоила от 3-х до 5-ти рублей, что в то время было большими деньгами, но и удовольствие того стоило.

Вы приходили на их стоянку со своей дамой, там стояло три-четыре запряжки, кони были покрыты пестрыми коврами, кучера сидели на козлах,

засунув белые перчатки за пояс. На панели около них топталось два-три конюха. Когда вы выражали желание «прокатиться», начиналась большая суета, один конюх помогал кучеру усесться поудобнее на козлах, после чего он натягивал перчатки и начинал перебирать вожжи. Другой конюх помогал вашей даме и вам усесться в экипаж или сани, в последнем случае крепко затягивая полость, чтобы вам не вылететь на повороте. Затем один брал под уздцы коня, который вожжами кучера побуждался проявлять резвость, а другой снимал с коня попону, после чего один кричал «трогай», другой — «с Богом» и так далее. Конь выносил экипаж на улицу, лихач лихо гикал и орал басом «па-а-берегись, ма-а-льчик» (хотя никакого мальчика не наблюдалось), и вы неслись стрелой некоторое расстояние, после чего кучер переводил коня на шаг, чтобы через несколько минут опять помчаться как угорелый. В общем, на лихачах катались главным образом загулявшие люди, и особенно увлекались ими молодые купчики, смогшие вытащить кое-что из папашиних или мамашиних шкатулок.

С другой стороны был двухэтажный каменный дом, принадлежавший какому-то армейскому капитану, производившему на меня впечатление тем, что он носил пенсне и зимой ходил в николаевской шинели с бобрами. Жила эта семья во втором этаже и имела сына примерно в моем возрасте, которого мать, весьма интересная дама с серыми глазами, ставила на подоконник, и мы с ним делали друг другу ручки. Позже дом был, видимо, продан, и во втором этаже его открылась «Греческая кухмейстерская». Дом по фасаду и боковинам разукрасился пестрыми вывесками с маками и разводами настоящего югендстиля или, как его называли в России, — стиля модерн. Внизу в магазине помещался часовщик, и в окне у него, как раз на нашу сторону, висели большие черные часы, видимо, долженствующие служить ему рекламой, но часы эти, к сожалению, не ходили. Позже в этом помещении купцом Барковым¹⁷ был открыт рыбный магазин, торговавший «Камчатской лососиной», так называемой кетой и кетовой икрой, бывшей в то время новостью в Петербурге.

Напротив было два дома, привлекавших мое внимание; один принадлежал человеку, носившему не очень благозвучную фамилию Негодяева¹⁸ и оставшемуся у меня в памяти в силу пожара, произошедшего в его доме, и даже не в силу его, так как пожар я проспал, а из-за маминих рассказов, как наш дворник, заметивший пожар первым, стучался ему в окна и кричал: «Негодяй, горишь! Негодяй, горишь!»; а моя бабушка, разбуженная произошедшей полундрой, все время пожара просидела с чулком в руке, не будучи от волнения в силах натянуть его на ногу.

Другой дом, находившийся прямо против нашей квартиры, принадлежал некоему Герасимову¹⁹, занимавшему весь бельэтаж этого дома. Кроме домовладения он, видимо, ничем не занимался, так как с раннего утра и до позднего вечера сидел у окна и глазел на улицу. Супруга его сидела на другом конце дома, тоже у окна, видимо, со своей свадьбы, и что-то шила, временами взглядывая в окно. У них было двое детей, сын и дочь — весьма миловидная, приблизительно в моем возрасте. Познакомился я с ними уже будучи взрослым. Герасимов этот закончил свою жизнь плохо: повесился на своем

окне (у которого он просидел всю свою жизнь) на подтяжках, что на меня произвело очень большое впечатление.

В нижнем этаже дома были магазины. Сперва шел магазин, торговавший керосином, свечами, мылом и лампами, что и было упомянуто на его вывеске — золотыми буквами по светло-голубому фону. Затем следовала булочная Цырина²⁰, на вывеске которой красовались различного рода хлеба и ситники, размещенные живописцем в художественном нагромождении. Затем следовала рамочная, багетная и шкатулочная торговля Шорина²¹, внезапно умершего, когда мне было лет 10. После его смерти был устроен аукцион, и мать моя приобрела там несколько очень хороших рамок красного дерева с бронзой и очень красивую шкатулку с инкрустациями, которую в силу странного каприза судьбы, единственную из всего нашего имущества, мне удалось вывезти за границу. И, наконец, последний магазин был «Мясная, Зеленная и Курятная», где на двух боковых вывесках были изображены стоящие на возвышении золотые быки, а у их подножия — зарезанные куры и пирамида из масел в различных упаковках. На гвозде у входа в лавку висели зайцы и дичь, а осенью на панели у окон стояли плетеные корзины с мохом для окон (при заделывании их на зиму) и бочки или плетенки с клюквой.

Следующий дом, стоявший на углу Матвеевской улицы, исчез из моей детской памяти, зато я хорошо помню выросший на этом месте несколько позже четырехэтажный дом некоего Пискарева²², открывшего на углу большой по тем временам мануфактурный магазин, кажется, первый на Петербургской стороне. Дом этот строился года три, с большими магазинами, снабженными громадными зеркальными окнами, с тремя подъездами, из которых в каждом был швейцар и телефон, которым мог пользоваться каждый и не жилец дома, согласный заплатить пять копеек за разговор.

На другом углу Матвеевской долго стоял полусгоревший бревенчатый дом красного цвета, на крыше которого вырос иван-чай и даже начали расти березы. Мне помнится, что большой каменный дом, стоящий и сейчас на этом месте, был построен только в 1908 г., когда началась строительная горячка, и за период до Первой мировой войны Петербургская сторона застроилась теми домами, которые и стоят по сей день. За этот период исчезла старая идиллическая Петербургская сторона, последние старые деревянные постройки исчезли после революции, когда в 1918 и 1919 гг. их разобрали и сожгли за отсутствием другого топлива. Палисадники перед старыми домами исчезли уже в конце прошлого столетия, и только у нашего дома они удержались до 1907 г., когда в связи с перепланировкой улицы и проведением трамвая убрали их и у нас, но я в то время там уже не жил.

Между прочим, дом этот был настоящим шедевром плотнического искусства: это был большой бревенчатый двухэтажный дом, обшитый панельной вагонкой с деревянной резьбой по всем карнизам, наличникам окон и по коньку крыши, которая служила пристанищем тысячам воробьев. Дом этот был построен Ведомством учреждений императрицы Марии Федоровны²³ в 1825 г. на средства, пожертвованные графиней Лаваль²⁴ — самой

по себе русской, но замужем за французским эмигрантом. Портрет этой графини, исполненный каким-то очень хорошим художником, висел в актовом и рекреационном зале во втором этаже приюта. Почетной попечительницей приюта была Великая княгиня Елизавета Маврикиевна²⁵, супруга Великого князя Константина Константиновича²⁶, посещавшая приют один раз в год, что являлось всегда событием в жизни приюта. Попечительницей приюта, жертвовавшей ежегодно довольно значительные суммы на его содержание, была княгиня Голенищева-Кутузова, дочь героя 1812 г. фельдмаршала Кутузова. Когда моя бабушка Александра Федоровна Стенберг после тридцатипятилетней службы в качестве начальницы этого приюта ушла в отставку, то и княгиня, пожертвовав крупную сумму, попросила освободить ее от обязанностей попечительницы, ей было тогда 80 лет, вскоре она умерла, и с ней кончился род Кутузовых²⁷. Интересно, что вся просветительно-гуманитарная деятельность Ведомства императрицы Марии Федоровны была построена, с одной стороны, на добровольном желании, а с другой — на честолюбии.

Кроме начальниц гимназий и приютов, учительниц и обслуживающего персонала, как-то: кухарок, дворников, прачек и т. д., получавших жалование, — все другие работали даром, числясь на государственной службе и получая в возмещение своих трудов полагающиеся по выслуге лет чины и ордена. Так приют обслуживался по этому принципу массой людей. Четыре священника-законоучителя Закона Божия²⁸, регент, обучавший пению, три врача, следивших за здоровьем детей и посещавших приют два раза в неделю, преподаватель ручного труда, обучавший детей столярному делу, и учительница рукоделия для девочек. Даже человек, вынимавший деньги из кружки, висевшей под иконой при входе в приют со стороны улицы, делал это за чины. Между прочим, во времена начальствования моей матери этим делом занимался некий Дмитрий Александрович Тарасов, бывший кирасир, промотавший на военной службе два наследства и собственное состояние и выполнявший обязанности гувернера у двух сыновей начальника отдела приютов Ведомства шталмейстера Высочайшего Двора Николая Николаевича Львова²⁹, с сыном которого Геннадием я, благодаря Тарасовской протекции, был приятелем и летом бывал у них на даче в Озерках.

15 лет моей молодой жизни я провел в этом приюте у моей бабушки, так как родители мои разошлись, когда мне было 3 года. Однако, когда мне исполнилось 16 лет, мне пришлось покинуть этот гостеприимный кров, где протекли мои детские счастливые годы, которые теперь кажутся мне каким-то дивным сном. Произошло это в силу следующих обстоятельств. В 1907 г. на средства Великих княжон Ольги и Татьяны Николаевны³⁰ был к Лавальевскому приюту пристроен двухэтажный каменный дом, в котором устроен интернат для 35-ти девочек-сирот, долженствующих быть подготовленными для занятия должностей учительниц в приютах Ведомства. Для этой цели была использована половина большого сада, принадлежащего приюту, и, к моему большому огорчению, исчезла под постройку его красивая и поэтическая часть, с огромными многолетними деревьями,

сиреневыми кустами, яблонями, сливами, ореховыми кустарниками и огромным дубом, под которым летом я с бабушкой любил обедать. Наличие этого интерната с девицами исключило возможность моего дальнейшего пребывания в стенах этого учреждения, и я был помещен в пансионат. Я не сказал бы, что таковое изменение в моей жизни было к лучшему, так как в этом пансионате находились дети семей хороших, но развалившихся в силу неудачных браков родителей, но об этом я расскажу потом³¹, сейчас же перенесусь в мое детство — эти воспоминания всегда согревают душу, и на ней делается как-то тепло и уютно.

Одно из первых воспоминаний, сохранившихся в моей памяти, следующее: я сплю в своей маленькой кроватке с голубыми сеточками по сторонам (чтобы мальчик Боря, разоспавшись, не вывалился из кроватки). В комнате жарко, я разметался и проснулся. Мама сидит за своим письменным столом, дамским, с зеркальцами под полочками, и что-то пишет, на столе у нее горит небольшая настольная лампа. Я открываю глаза и смотрю на мамин затылок. Я, видимо, шевельнулся, мама обернулась, положила перо и подошла к моей кроватке. Поправив сползшее одеяло, мама наклонилась, поцеловала меня и, перекрестив, прошептала: «Спи, бутуз, Господь с тобой». Это было еще в прошлом столетии, и было мне, вероятно, года два с половиной.

Революция 1917 г.

Глава I

В феврале 1917 г. я был мичманом Императорского Российского Флота выпуска 1915 г. из Морского Корпуса³² и находился в командировке в Петрограде в отряде новобранцев. Моя командировка должна была кончиться 12-го февраля, после чего мне надлежало вернуться на место моей постоянной службы, на линейный корабль «Петропавловск»³³.

Я рассматривал командировку как приятное развлечение, полученное мною за трудности и неприятности моей летней командировки 1916-го года в отряд десантных транспортов. Но пятимесячное пребывание в Петрограде вдали от родного корабля и милых товарищей мне уже порядочно наскучило, и я мечтал о возвращении к родным пенатам.

О корабельных новостях я знал мало, но знал, что в мое отсутствие прибыло новое офицерское пополнение в лице мичманов Михайлова³⁴, Кондыбы³⁵ и Кондратьева³⁶, из которых я хорошо знал первого из них. Я предполагал по возвращении на корабль прослужить до начала мая, а затем отпроситься на неделю в отпуск для женитьбы. Однако «человек предполагает, а Бог располагает». Уже в январе пошли разговоры о беспорядках, забастовках и пр. Я не придавал им большого значения и особенно не задумывался, считая, что все это меня не касается.

В начале февраля начальство сообщило нам, что ввиду тревожного положения наш отъезд откладывается на некоторое время и что мы, вероятно, вернемся на корабли не раньше начала марта месяца. Однако ни я,

ни мои товарищи не усмотрели в этом распоряжении ничего угрожающего; мы недоумевали, какое отношение мы с нашими новобранцами имеем к заводским забастовкам. Среди моих знакомых приходилось слышать о брожении на почве нехватки продуктов. Сам я нигде и ни в чем недостатка не испытывал и считал, что во время войны, когда «все для фронта», — недостатки и нехватки естественны и что они компенсируются теми высокими заработками, которые имеют фабричные рабочие. Я думаю, что не только я, но и большинство моего окружения не отдавали себе отчета в серьезности положения.

Однако около 24-го февраля мне пришлось самому увидеть на улицах многолюдные демонстрации рабочих, идущих с плакатами и требующих «хлеба». Наконец, 26-го февраля я был свидетелем не только демонстраций, но и прямых беспорядков на Невском проспекте, запруженном многотысячной толпой. В том, что дело протекает далеко не мирно, я мог судить по внешнему виду конных полицейских, ехавших цепью вдоль Невского, — многие из них были без шапок, видимо, сбитых демонстрантами. Вместе с тем меня поразил вид казачьих частей, тоже ехавших цепью по Невскому проспекту и состоявших из мальчишек. Эта картина так меня обеспокоила, что я решил немедленно идти в экипаж и справиться, как обстоит дело. В экипаже никто ничего как следует не знал. Взяв извозчика, я поехал обедать к родителям моей будущей жены³⁷, жившим на Большом проспекте Петербургской стороны, недалеко от Каменноостровского проспекта. Васильевский остров и Петербургская сторона выглядели совершенно нормально.

Мичман Б. В. Бьёркелунд.
Фото 1915 г.

К обеду был один знакомый врач, который сообщил мне, что беспорядки принимают все более и более серьезный характер. Он высказал мнение, что они могут перейти в революцию, что на заводах идут непрерывные митинги и, по слухам, формируется «красная гвардия». По тону доктора я вынес впечатление, что он доволен оборотом дела, поэтому я поспешил выразить ему сомнение в пользе таких обстоятельств для победного завершения идущей войны.

— Только путем революции мы можем выиграть войну, — заявил доктор, — в противном случае, при бездарности нашего государственного руководства, мы ее несомненно проиграем. Революция поднимет, сплотит весь народ и даст ему стимул для борьбы с врагом.

Я, конечно, не был с ним согласен, но, считая дискуссию неуместной, заметил только, что мнения его не разделяю и твердо уверен в том, что власть беспорядки подавит, а о революции вряд ли может быть разговор.

Вечером я вернулся домой на 8-ю линию Васильевского острова. Дядя, у которого я жил³⁸, сообщил мне, что в мое отсутствие звонили из экипажа и просили, чтобы я завтра (27-го — Б. Б.) утром явился в экипаж³⁹ в полном строевом обмундировании и с заряженным револьвером.

Это звучало тревожно, и я заснул с тяжелым чувством.

27 февраля 1917 г.

Обмундировавшись по-строевому, т. е. в высоких сапогах, с палашом и револьвером поверх шинели, я повертелся перед большим трюмо в зале и, оставшись доволен своей внешностью, отправился в экипаж.

День был морозный и на редкость красивый, светило солнце, под ногами поскрипывал снег. В экипаже офицеры собрались в кают-компания и стояли группами, разговаривая. Я подошел к лейтенанту Ушневу.

— Сейчас придет Гирс и даст нам ориентировку, — сказал он.

Генерал-майор Гирс⁴⁰ был командиром экипажа, но особым авторитетом в глазах моряков не пользовался, чему, вероятно, способствовало его прошлое. Дело в том, что Гирс был офицером Гвардейского экипажа⁴¹ и одно время командовал крейсером «Олег»⁴², комплектовавшимся этим экипажем, и довольно скандально посадил этот крейсер на камни при совершенно непозволительных условиях.

Главная вина лежала на штурмане, но отвечает в таких случаях командир. В результате Гирс был отстранен от командования, а штурманы на корабли, комплектовавшиеся Гвардейским экипажем, стали назначаться из флотских офицеров. Позже был произведен из капитанов I ранга в генерал-майоры Флота с назначением командиром 2-го Балтийского экипажа. Гирс к нам не пришел, а пришел начальник строевой части экипажа полковник по Адмиралтейству Скворцов⁴³ — пожилой господин с большой черной с проседью бородою. Он сообщил нам то, что было уже известно: в городе происходят крупные беспорядки, что вызваны войска, что сегодня или завтра ожидается прибытие казачьей дивизии и что наша роль сводится к поддержанию порядка в собственной части и недопущению проникновения в казармы постороннего элемента. Поэтому нам предлагается находиться при наших частях и оставаться ночевать в помещении Экипажа, чтобы при первой тревоге быть на месте. Далее он поведал нам, что в революцию 1905 года он находился в Кронштадте и что тогда положение было много хуже, однако командный состав оказался на высоте и справился со своей задачей.

После его беседы мы разошлись по своим ротам, где, собрав младший командный состав, сообщили им то, что узнали от начальства. С фельдфебелем я, пройдя с ним в его закуток, повел более конфиденциальную беседу, спросив его мнения о благонадежности состава роты в случае, если бы нам пришлось быть посланными на подавление беспорядков.

— Роту мы удержим, это дело маленькое, — ответил он мне, — а вот если нас двинут на усмирение, то тут будет трудность не от неблагонадежности людей, а от их молодости и глупости. Ведь они только четыре месяца прове-

ли в казарме, мы научили их слушаться приказаний и команд, но они не владеют винтовкой как оружием, стрелять не умеют, а главное — растеряются и, несомненно, струсят. Если на противной стороне будет просто толпа, то это не так страшно, наши ребята нераспропагандированы, а вот если в беспорядках примут участие войска, хотя бы из маршевых частей, то с ними будет труднее справиться: они могут у наших дурней винтовки поотбирать. На мой вопрос, что он слышал о событиях, фельдфебель рассказал мне, что главным образом бунтуются рабочие, а в воинских частях, видимо, все спокойно.

— От начальства все зависит: если правильно распорядятся, то у тех ничего не получится.

Днем стала слышна стрельба со стороны города, но в нашем районе жизнь текла нормально и ничего особенного не замечалось.

Часов в 7 вечера нам в роту принесли патроны, команду вызвали в ружье, и адъютант Экипажа, придя в роту, передал распоряжение командира идти на Театральную площадь и заблокировать движение по Офицерской улице со стороны Коломны. Мичман Колышев⁴⁴, мой товарищ по Корпусу, со своей ротой должен был оцепить проход к Экипажу со стороны консерватории и Поцелуева моста. Две другие роты заняли Благовещенскую площадь. Таким образом мы создали ограду вокруг наших казарм на некотором от них расстоянии. Когда рота выходила из казарм на мостик через Крюков канал, неожиданно навстречу мне бросились человек пять солдат Литовского полка, маршевый батальон и учебная команда которого размещались в казармах Конного полка⁴⁵.

Волнуясь и перебивая друг друга, они стали просить меня идти с ротой к ним в казармы, где маршевый батальон взбунтовался и бьет учебную команду; последняя заперлась в каком-то помещении, и они были посланы через окно просить у нас помощи. Я дал им в проводники одного из моих унтер-офицеров и направил к командиру экипажа.

Этот инцидент показал мне всю серьезность положения: бунт в воинской части! Это не шутка!

На Театральной площади, куда мы вышли, было темно и пусто. Кто-то разбил и загасил бывшие там газовые фонари. Было холодно, дул сильный ветер, для 7 часов вечера было необычайно пусто. Из города доносилась стрельба, иногда трещала пулеметная дробь.

Я поставил заставу поперек Офицерской улицы и завел роту под прикрытие Мариинского театра с приказанием: по моему свистку бежать и ложиться цепью поперек улицы. Так прошло около двух часов. Бездействие становилось мучительным, тем более что то затихавшая, то разгоравшаяся отдаленная перестрелка как-то побуждала действовать.

Около 9 часов вечера в глубине Офицерской улицы показалась черная полоса, которая стала медленно приближаться. Я вызвал людей в цепь и приказал ввести патрон в ствол; в случае, если я подам команду «пли», давать первый выстрел вверх, а второй — как я распоряжусь. За темнотой и расстоянием я не мог определить количество темной массы. Но вот от нее отделилось несколько человек, они пошли к нам, я тоже пошел к ним навстречу в сопро-

вождении унтер-офицера Звонова, державшего винтовку на изготовку. Примерно в 20 шагах от нашей цепи мы встретились. Передо мной был поручик по Адмиралтейству, молодой флотский прапорщик и фельдфебель. Поручик поздоровался со мной за руку и назвал свою фамилию.

— Я послан Его Высочеством Великим князем Кириллом Владимировичем⁴⁶, который с Гвардейским экипажем пойдет к Таврическому дворцу выяснить, можем ли мы рассчитывать беспрепятственно пройти.

— Передайте Его Высочеству, что мы здесь поставлены с приказанием никого не пропускать, что мы и выполним. Если Его Высочество желает пройти, то пусть обратится к генерал-майору Гирсу, — я выполняю его приказание.

Парламентеры откозыряли и удалились. Я остался в некотором недоумении: куда Великий князь, да еще с Гвардейским экипажем, собирается идти ночью? Вероятно, усмирять беспорядки? Это, конечно, хорошо, но почему он прислал ко мне офицера по Адмиралтейству, а не офицера Гвардейского экипажа? Уж не провокация ли все это?

Мои размышления на эту тему были прерваны вестовым, принесшим мне письменное распоряжение Гирса вернуться в экипаж. Это было, очевидно, результатом телефонных переговоров Великого князя с командиром экипажа.

По возвращении в казармы все роты разошлись по своим помещениям, кроме моей (8-й — Б. Б.), которой было велено залечь вдоль Крюкова канала и «не допустить толпу ворваться в помещение».

«Толпу? Какую толпу?» Оглядевшись, я увидел людскую массу, толпящуюся за углом и, видимо, заполнившую Благовещенскую площадь. Находившаяся прямо перед нами площадь между собственно экипажем и так называемыми Крюковскими казармами, где были размещены новобранцы, была пуста. Примерно через полчаса нам было приказано удалиться в ротное помещение и команде ложиться спать.

Должен сказать, что мы, офицеры, прямо растерялись от такого распоряжения. В городе идет восстание, слышны пулеметная и ружейная стрельба, рев толпы за углом, доносится пение революционных песен, прерываемое криками ура, а нам, воинской части, находящейся в порядке с отборными сверхсрочными унтер-офицерами, предлагают ложиться спать. Нет, этого не может быть!

Собравшись в громадной комнате дежурного офицера, мы решили послать двоих из нас к командиру экипажа за разъяснениями и с заверением, что мы с нашими людьми живо наведем порядок, куда бы нас ни послали. Вызвались идти лейтенант Ушнев⁴⁷ и мичман Колышев. Пара, по моему тогдашнему суждению, очень удачная: Ушнев был умный, а Колышев не очень, но зато он обладал громадной силой и гнул подковы.

Однако пройти из Экипажа к командиру оказалось не так просто. После нашего ухода с «позиции» у канала и моста толпа осмелела и заполнила всю площадь между казармами. Тогда мы связались с командиром по телефону. Гирс подтвердил свое приказание «ложиться спать», но не пропускать посторонних лиц в помещение казарм, для чего поставить у дверей часо-

вых с винтовками в помощь дежурным, и прибавил, что таково приказание Морского министра. На наше заявление, что по нашему разумению следует толпу с плаца выгнать и что мы можем это осуществить в несколько минут, Гирс заметил, что он разрешить этого не может и что он уже имел неприятности от Великого князя за то, что вывел роты к Мариинскому театру.

Разговор произвел на нас удручающее впечатление. Мы еще не догадывались, что это, в сущности, заговор, и приписывали столь нелепое, с нашей точки зрения, распоряжение растерянности и трусости начальства.

Очень скоро мы поняли, в чем дело. Около 2 часов прибежал дежурный унтер-офицер (*дежурила моя рота — Б. Б.*) и сказал, что меня просит к телефону Морской министр. Я посмотрел на гонца как на сумасшедшего.

— Что ты, Терентьев, с ума сошел, что ли?

— Никак нет, Ваше Высокоблагородие, а только Морской министр сказали — позови к телефону дежурного офицера.

Я невольно рассмеялся и побежал к телефону, находившемуся в будке у входа в казарму.

В трубке раздался спокойный голос:

— Как ваша фамилия?

Я ответил.

— С вами говорит Морской министр Григорович⁴⁸. Я не мог связаться с генерал-майором Гирсом и потому звоню вам прямо в казармы. Не препятствуйте людям выходить на улицу, если они этого захотят.

— Простите, Ваше Высокопревосходительство, но я не считаю возможным принять такое приказание по телефону и не представляю себе, что оно исходит от Морского министра.

Наступила пауза; министр, вероятно, думал, как поступить.

— Я вешаю трубку, — сказал он, — а вы позвоните мне в служебный кабинет. Я не даю вам номера, посмотрите в каталоге.

«Трик» — прозвучало в трубке.

Я пошел обратно в дежурную комнату, захватив с собой телефонный каталог. Когда я рассказал товарищам содержание моего разговора с Морским министром, все почти одновременно заговорили, что это явная провокация со стороны революционеров или «черт их знает кого».

После обсуждения вопроса и поисков нужного номера было решено, что я пойду звонить с лейтенантом Ушневым и мы вместе примем приказ. Я позвонил. Министр ответил и повторил свое распоряжение. Тогда я попросил его повторить приказ еще раз для моего товарища лейтенанта Ушнева, что он и сделал.

— Плохо, — резюмировал Ушнев, — они нас продают.

— Это пахнет изменой, и я боюсь, что отвечать придется нам.

— Этого я не думаю, мы только исполняем приказание, но все это, несомненно, начало большой трагедии, которая называется революцией. Был бы жив адмирал Эссен⁴⁹ — было бы иначе.

— Что было бы, если ничего не было бы, — бесполезные рассуждения, а вот что же нам теперь делать? Смотрите, сколько посторонних людей уже

проникло в казарму, а через входные двери, как в Народном доме, входят и выходят.

— Ну и черт с ними, — заявил мой собеседник, — я лично пойду исполнять приказание Морского министра и лягу спать.

С этими словами Ушнев вышел из казармы и исчез в толпе и в темноте наступившей ночи. Он жил в комнате при офицерском собрании, я же пошел обратно в комнату дежурного. Сообщив моим товарищам о нашем разговоре с министром, я спросил их, что они собираются предпринять. Они все жили в разных частях города, а идти ночью в офицерской форме через столицу, охваченную восстанием, они явно опасались. В результате переговоров большинство решило ночевать в собрании. Мы же, мичман Колышев, два прапорщика по Адмиралтейству, поручик Тукумбетов и я, решили выйти через задний ход казарм на территорию порта, а оттуда попытаться «прорваться» домой, тем более что мы все жили на Васильевском острове.

Соображения наши были таковы: неизвестно во что выльются события в экипаже. Оставшись в нем, мы фактически окажемся в ловушке; ожидать чего-нибудь путного от нашего начальства явно не приходится. Как будут выглядеть и что будут делать наши новобранцы, прошатавшиеся ночь по городу, неизвестно, но лучше от этого они не сделаются. Как будут вести себя матросы кадровых рот экипажа — нетрудно себе представить. Они укомплектованы списанным с судов элементом, а мы знали, что ни один корабль хороших матросов не списывает, — это раз; матросы эти и без всякой революции были до крайности распущены — это два.

Если предположить, что в офицерской форме небезопасно ходить по улице, то, во всяком случае, это лучше сделать ночью, чем днем, и, кроме того, на Васильевском острове помещается Морской корпус, который, можно предположить, окажет сопротивление происходящему. Здесь мы упустили из виду, что Корпусом командовал зять Морского министра адмирал Карцев⁵⁰, личность отрицательная.

Когда мы из дежурной комнаты проходили к задним дверям, ведущим на территорию порта, казарма наша гудела, как потревоженный улей. Нам пришлось протискиваться через группу каких-то штатских личностей и армейских солдат, которые были заняты разговорами и на нас никакого внимания не обращали. Зато мы обратили внимание на нескольких сверхсрочных унтер-офицеров, сидевших под лестницей и спарывавших свои шевроны с рукавов и нашивки с погон. На наш вопрос, почему они это делают, они разъяснили, что опасаются, во-первых, репрессий со стороны рядовых из кадра, а во-вторых — того, что их могут заставить принять командование над взбунтовавшимися частями, а затем, по подавлении мятежа, им придется нести за это ответственность.

Двери на двор были заперты на замки, и мичман Колышев продемонстрировал свою силу, выломав и замки, и щеколды голыми руками.

На территории порта было темно, нигде ни огонька, и силуэты каких-то построек, расположенных, на первый взгляд, в беспорядке, выделялись на небе, освещенном дальними городскими фонарями. Выстрелы, трескотня пулеметов и вой толпы как бы отодвинулись, звуча заглушенно. Мы двинулись в

направлении предполагаемого выхода из территории порта, но, когда стали проходить вдоль какой-то длинной кирпичной стены, вокруг нас защелкали пули, и нам пришлось залечь. Стрельба прекратилась. Мы не могли дать себе отчета, стреляли ли по нам или это были случайные залетные пули. По звуку выстрелов мы тоже не могли ориентироваться, так как стрельба шла все время. Как только мы встали и двинулись дальше, пули опять стали ударяться о стенку, а некоторые со свистом пролетали над нашими головами.

— Стреляют с двух разных сторон и, видимо, по нам, — сказал Колышев.

— Что стреляют с двух сторон, это возможно, а вот что по нам — не думаю. Нас в такой темноте не может быть видно, притом, судя по звукам выстрелов, бьют издали, а мы отсюда стену соседнего дома плохо видим, и если бы там кто-нибудь стоял, то мы его не видели бы. Однако и под шальную пулю попасть нежелательно, поэтому давайте залезем в этот дом и там переночуем.

С этими словами я захватил пальцами край рукава моего пальто и нанес несколько сильных ударов по стеклу окна и по его перекладине. Образовалось достаточное отверстие, чтобы в него пролезть, что я и не замедлил сделать. Оказавшись внутри дома, я с изумлением констатировал, что стою на узкой бетонной дорожке вдоль стены сантиметров 20 ширины, а весь дом наполнен водой. В следующую минуту я сообразил, что мы залезли в испытательный бассейн. Сообщив это моим товарищам, я стал передвигаться к наиболее короткому концу здания, где в темноте рассмотрел двери. Действительно, там оказалось несколько комнат, из которых одна была загружена мешками с сухой провизией и сахаром. Чьи были эти запасы, осталось для нас неизвестным. Здесь мы решили переночевать. Окна противоположной стороны испытательного бассейна выходили на Крюков канал, и через забор мы видели дома на противоположной стороне набережной и верхнюю часть уличных фонарей, но видеть, что делается на панели, не могли. Мы слышали, что там бегали люди и под самыми нашими окнами гремели выстрелы.

Усталость взяла свое, и, расстелив шинели, мы улеглись спать на полу.

Проснувшись мы часов в 7 и решили вернуться в Экипаж, предварительно позвонив туда по телефону. Мы узнали, что ничего особенного в Экипаже не произошло, что офицеры, переночевавшие в собрании, пьют кофе, что команда, ушедшая ночью из Экипажа, скоро вернулась обратно, за исключением нескольких человек, и, наконец, что казармы удалось очистить от посторонней публики.

В самом Экипаже никто не знал, что происходило и что происходит в городе. Несколько прапорщиков, ушедших ночью домой, пришли в Экипаж к 10 часам и рассказали, что на Невском громадные толпы, где-то слышна стрельба, но кто и почему стреляет — неизвестно.

Последовало распоряжение командира Экипажа, чтобы мы не расходились без специального его распоряжения.

Я пошел в свою роту. К моему изумлению, столы там были завалены голландскими сырами. Команда объяснила мне, что они их подобрали на площади около Николаевского моста⁵¹, где толпа разгромила лавку.

Кто-то принес швейцарский штуцер, доставшийся ему, по его словам, от какого-то штатского, который сам получил его при разгроме магазина оружия. Я распорядился сдать штуцер фельдфебелю.

Фельдфебель сообщил мне, что новобранцы пошли в город с винтовками, а вернулись без них. Я осведомился, сколько их было. Ответ — трое. Я вызвал провинившихся и спросил, как это произошло; они объяснили, что винтовки у них вырвали какие-то люди.

Пожурив их за неосторожность, я ушел из роты. Внизу у дверей дежурила еще вчерашняя смена, и унтер-офицер Терентьев сообщил мне, что, видимо, в казарме все благополучно, но что сам он, как и другие унтер-офицеры, считает неправильным, что команде было разрешено идти на улицу, и что впредь этого разрешать нельзя, так как неизвестно, чего они там наберутся. Я был совершенно с ним согласен и сказал, что таково было распоряжение свыше.

Завтракали мы в офицерском собрании, и лейтенант князь Эспер Белосельский-Белозерский⁵² звонил в Государственную Думу, где у него были знакомства, и сообщил нам новости.

От него мы узнали, что власть в городе принадлежит Комитету Государственной Думы⁵³ во главе с Родзянко⁵⁴. Что войска приходят к Таврическому дворцу⁵⁵ и выражают свою лояльность по отношению к Государственной Думе. Что Гвардейский экипаж во главе с Великим князем Кириллом Владимировичем явился одним из первых, что Думу осаждают делегации от заводов, что Дума послала делегацию к Царю в Ставку и что поехали Гучков⁵⁶, Шульгин⁵⁷ и еще кто-то. Все это мне в то время решительно ничего не говорило; я был против всего, что творилось и делалось. В моем тогдашнем представлении это был бунт, в котором принимают участие лица, никоим образом этого делать не должны. В 3 часа дня командир экипажа разрешил нам идти по домам всем, кроме дежурных.

Вечер я провел у невесты и вернулся домой на извозчике. В районах Петербургской стороны и Васильевского острова, которые мне пришлось проезжать, все выглядело нормально, хотя из города нет-нет слышались выстрелы и трескотня пулеметов. Извозчик объяснил мне, что из пулеметов стреляют полицейские с крыш. Но что их понемногу ликвидируют.

Об этих пулеметах на крышах говорилось и писалось много и почти везде утверждалось, что пулеметы были установлены полицией при наступлении тревожного времени для «подавления революции». Фактически дело обстояло так, что пулеметы были установлены военными властями еще в 1914 году для отражения налетов цеппелинов, которых весьма опасались. Находились эти пулеметы в ведении полиции. Кому из начальства пришло в голову использовать их так, как они были использованы, я не знаю, но это, как и все, что делалось людьми, возглавлявшими власть во время революции, было глупостью. Такое пулеметное гнездо на крыше могло быть опасным для находившихся в нем, а отнюдь не для бунтующей черни, так как обстреливать они могли только на дальнем расстоянии, а угол обстрела не давал им возможности для самозащиты. За эту глупость десятки городских заплатили жизнью: были зверским образом убиты чернью при энергичном

содействии будущих русских интеллигентов, а именно студентов, которые в центральных частях города изображали милицию. Аналогичной организацией в рабочих районах была «красная гвардия».

Тогда очень пышно говорилось о «жертвах революции». Под ними подразумевался тот десяток людей, что был убит на улицах шальными пулями стрелявших революционеров. Фактически же «жертвами революции» были полицейские и верные своему долгу офицеры, в громадном количестве убитые в первые и последующие дни революции на территории бывшей Российской империи. Они вошли первыми в синодик миллионов уничтоженных, убитых, потопленных и погибших от голода на воле и в лагерях, который повлекла за собой «великая и бескровная».

1 марта 1917 г.

Ранним утром 1 марта меня разбудил телефонный звонок. Звонил мой фельдфебель из Экипажа и сообщил, что весь Экипаж пойдет к Государственной Думе в строю и со всеми офицерами, так что мне приказано командиром Экипажа явиться в часть как возможно раньше.

Государственная Дума представлялась мне гнездом крамолы, и, представься мне случай, я не задумываясь всех в ней «ликвидировал бы». Вы помните слова стихотворения: «О, дайте мне крови! Колонны, вперед! Бодливой корове Бог рог не дает...» Эти слова в полной мере можно было применить ко мне.

К Государственной Думе я не хотел идти, но отбиться от своей части тоже не хотелось. Поэтому я придумал компромисс: я встречу нашу часть на набережной Невы, когда она будет возвращаться из Думы. Сказано — сделано. Я не торопясь оделся и отправился пешком через Петербургскую сторону, Каменноостровский проспект, Троицкий мост, по набережной до Литейного моста. По моим расчетам, Экипаж на своем возвратном пути подойдет к этому месту около 12 часов дня.

На Петербургской стороне я зашел к родителям моей невесты. Там меня упорно хотели разукрасить красными бантами «для безопасности». Я сопротивлялся как мог, но, когда я уходил, моя невеста завязала красную ленту вокруг рукава пальто. Я ее сорвал и бросил в подъезде. Дальнейшее путешествие прошло благополучно. Мне встречались штатские и военные, украшенные красными бантами на груди и на руках. Встречавшиеся солдаты, по большей части, не отдавали чести, а офицерам, украшенным революционными эмблемами, я сам чести не отдавал и не отвечал на их приветствия.

Ясного представления о политическом положении в стране в тот момент у меня не было. Все было, как во сне, когда все остается непонятным и запутанным. Я думал так. Ну да, здесь, в Петрограде, в силу измены бунтовщики одержали победу, но ведь остается вся остальная Россия и в ней войска, полиция, начальство. Подавить эту болтающуюся по улицам толпу мы могли бы с нашими новобранцами, с Морским Корпусом, если бы не измена Морского министра и «иже с ним». Нет! Нет! Конечно, с фронта возьмут пару корпусов и направят их в Петроград! Порядок будет наведен

в два счета! Будущее показало, что я ошибался и размышлял неправильно. Режим сгнил, и гангрена охватила все, соприкасавшееся с ним. Спасения не было. Но мои расчеты на встречу с Экипажем оказались верными, — я его действительно встретил на набережной у Литейного моста.

Впереди шел генерал-майор Гирс, украшенный громадным красным бантом с розеткой. На некотором расстоянии за ним шел адъютант Экипажа⁵⁹, поручик по Адмиралтейству, фамилия которого за временем не сохранилась у меня в памяти. Следующим шел, неизвестно почему, делопроизводитель экипажной канцелярии, а за ним оркестр, трубы которого были увиты красными лентами. За оркестром шла I-я рота новобранцев, возглавляемая субалтерн-офицером роты прапорщиком Максимовым, тоже с красным бантом. Рота шла в строю, хорошо и четко. Дальше валила трехтысячная толпа отряда новобранцев без всякого строя и порядка. По панелям шли разрозненно несколько офицеров. Я присоединился к ним.

Путь до наших казарм был довольно длинен. Мы не дошли до Зимнего дворца, когда ко мне обратились два пожилых господина, очень хорошо одетые, и стали трясти мне руки, поздравляя со светлым Христовым Воскресением. Я растерялся — никакой Пасхи не было. Но в этот момент сзади подошли двое офицеров, и восторги моих собеседников с меня перешли на них.

Однако когда мы миновали Сенат, разыгралась сцена другого характера. Ко мне обратился господин, шедший с дамой, и сказал, что на Галерной улице матросы грабят лавку и что мы должны немедленно прекратить безобразия, могущее оказаться темным пятном на фоне такого «великого события». Я резко им ответил, что мы, офицеры, не облечены теперь властью останавливать грабежи и защищать имущество граждан; эту функцию взяли на себя господа студенты — к ним и надлежит обращаться.

Когда мы подошли к Экипажу и весь контингент понемногу втянулся в казармы, на площади у входа остались только три человека: командир Экипажа генерал-майор Гирс, делопроизводитель и я. Гирс обернулся кругом и, видимо, не найдя никого, обратился ко мне с такими словами:

— Я попрошу вас, мичман Бьёркелунд, принять дежурство по Крюковским казармам; я знаю, вы распорядительный и решительный офицер. Постарайтесь навести там порядок.

Не сообразив, что Гирс меня как офицера фактически не знает, я был польщен его комплиментом. Сказав «Есть!», я отправился принимать дежурство, чего, как показало дальнейшее, делать мне не следовало.

Гирса я видел последний раз в жизни. Ночью матросы подняли его из кровати и под предлогом, что команда хочет с ним говорить, вывели его на двор и расстреляли у поленницы дров, где его и подобрали утром с двадцати двумя пулями в теле и разбитым прикладом лицом. Красный бант и поход в Думу ему не помогли. Не помогло это и делопроизводителю — беднягу повесили в канцелярии за ноги вместо люстры и, дав ему повисеть некоторое время, застрелили. Что касается третьего персонажа этого трагического дня, а именно меня, то судьба уготовила мне другое испытание.

Должен сказать, что когда человеку приходится переживать какое-нибудь сильное впечатление, то, в случае благополучного окончания приключения, всегда есть соблазн сказать: вот какой я смелый, сообразительный и т. п. Я стараюсь этого соблазна избежать, если же со стороны и могло казаться, что я все эти качества проявил, то фактически это было не так. Я был уже последние два-три дня в состоянии человека, ударенного подушкой по голове; я ходил, разговаривал и т. д., но все время находился под тем впечатлением, что случилось что-то ужасное, непоправимое, и я недоумевал, как это может быть, что никто этого не замечает. Наоборот, люди даже моего окружения радуются и собираются продолжать жить, как жили до сего времени.

В этот день — 1-го марта 1917 года — я как раз пытался вернуться сам и привести три с половиной тысячи человек к тому порядку, который я считал естественным и нормальным. Если же этот день не стал для меня последним, то не в силу моих личных качеств, но благодаря благосклонности судьбы и воле Божьей или же тому правилу, что «кому суждено быть повешенным, тот не потонет».

Итак, я вступил в обязанности дежурного офицера. Я не имел возможности оформить себя таковым внешне. Правда, мой револьвер и сабля остались у фельдфебеля, когда мы пытались прорваться через территорию порта, но шарф, полагавшийся дежурному офицеру, остался у меня дома. Меня это обстоятельство не смущало, так как я думал, что при существующем положении лучше быть без оружия, а о шарфе я как-то забыл.

Я начал обход с 1-й роты и сразу натолкнулся на беспорядок: при моем входе не было подано команды «смирно» и дежурный не подошел с рапортом. Я немедленно распек провинившихся, принял рапорт и пошел дальше. В соседней 2-й роте, видимо, слышали произошедшее в первой, и при моем входе была подана команда и дежурный подошел с рапортом. Дальше все пошло хорошо. Задержался немного в своей 8-й роте и, побеседовав с командой, отправился дальше. Всего мне надо было обойти 15 рот, и я уже добрался до 13-ой, когда произошел инцидент.

При входе в роту команда «смирно» была подана и рапорт был сделан, но я обратил внимание на два обстоятельства: во-первых, в роте курили, и от махорочного дыма в помещении стоял туман, а, во-вторых, посередине ротного помещения стояла группа старых матросов и среди них двое штатских. Я начал с первого. Почему курят? На это мне несколько голосов заявили, что теперь «свобода».

Я разъяснил, что курение в ротном помещении со «свободой» не связано, а вытекает из заботы о здоровье живущих в помещении людей, ибо если 250 человек сутки прокурят, то воздух будет негоден для дыхания, и что для этой цели при каждой роте имеется курилка.

Затем я обратился к стоящим передо мной посторонним людям и спросил, как они сюда попали, кто они такие и что здесь делают. Матрос, стоящий в центре этой группы, ответил на все мои вопросы следующим образом.

— Мы, Ваше Благородие, сидели в заключении в Литовском замке (это была тюрьма)⁵⁹, мы все были осуждены по политическим делам, эти в штат-

ском — тоже матросы; вчера ночью нас освободили и тюрьму подожгли, мы оказались на улице и в тюремном платье, его мы обменяли у добрых людей и сутки пропутались по городу. Денег у нас нет и спать или отдохнуть негде. Вот мы и пришли сюда, мы же моряки. Прикажите, Ваше Благородие, нас накормить.

Я посмотрел на них скептически и ответил:

— Обед прошел, и я не знаю, есть ли у нас на кухне что-нибудь, но, во всяком случае, подите туда и скажите, что дежурный офицер приказал вас накормить. Что же касается спанья и отдыха, то вы не туда попали, это отряд новобранцев, вам же надлежит обратиться непосредственно в Экипаж, это в здании напротив, там вас должны будут поместить и зачислить на до-вольствие.

Матросы стали раскланиваться и благодарить.

Казалось, инцидент был исчерпан, и я двинулся дальше. Но не успел я дойти до дверей, как за моей спиной раздался свист и гогот. Я быстро обернулся, наступила тишина. Я обратил внимание на то, что группа, стоявшая посередине роты, возросла.

— Что такое? — сказал я. — Кто свистал? — В ответ ни звука. — Что же это? Или мне показалось? Смотрите, чтобы мне это еще раз не показалось, тогда может быть худо.

Я опять направился к двери. Не успел я дойти до нее, как опять послышался свист и гик, который сразу оборвался, как только я обернулся. Группа посередине еще возросла, и в дверях, ведущих в соседнее помещение, показались лица любопытных.

Я подошел к группе и окинул ее взглядом. Люди стояли с серьезными лицами, и, хоть в помещении находилось минимально человек 300, можно было слышать, как пролетит муха.

Я знал по Корпусу, как заразительны бывают такие «обклады», поэтому я спокойным голосом спросил:

— Почему вы кричите и гикаете, что с вами случилось? В чем дело?

Вместо ответа откуда-то из задних рядов, расталкивая толпу, выскочило человек 5 матросов из новобранцев с винтовками наперевес, и один из них с выпученными глазами заорал на меня:

— Почему вы здесь распоряжаетесь?

— Потому что я дежурный офицер, — ответил я.

— Отчего же вы без шарфа?

— Слава Богу, что я в штанах, — улыбнулся я, — меня только что назначил дежурным командир Экипажа, а шарф у меня дома.

Тут я заметил, что ротное помещение забито народом до крайности; задние, очевидно, чтобы лучше видеть, влезли на верхние нары, и благодаря тому, что они стояли во весь рост, создавалось впечатление, что помещение заполнено до потолка.

Один из стоящих передо мной с винтовкой стал дрожащими руками вкладывать в магазин обойму, а так как штык был почти вплотную ко мне, я ударил по винтовке, отводя таким образом дуло от себя, и воскликнул:

— Что ты, с ума сошел, что ли? В кого ты хочешь стрелять?

От толчка он рассыпал патроны и стал собирать их с полу, другой ответил за него:

— В вас, Ваше Благородие.

В этот момент кто-то сзади схватил меня за погоны и сорвал их. Это произвело на меня потрясающее впечатление. Я схватился руками за лицо, будто получил оплеуху.

Когда я через секунду отнял руки, вся картина изменилась: круг передо мной сделался больше, и в нем толкалось с винтовками человек двадцать, что-то крича. Шел крик и из толпы. Одни кричали: «Бей его, бей! Чего смотрите?» Другие: «У него револьвер, он будет стрелять». Третьи: «Не стреляйте, не стреляйте, попадете в своих».

В этот критический для меня момент протолкался вперед небольшого роста коренастый кондуктор с черными усами и, покрывая своим голосом гул, закричал:

— Ребята, ребята, что вы делаете? Почто ротного командира обижаете?

Дальше ему говорить не дали: кто-то ударил его сзади прикладом по голове, и он упал. Еще кто-то схватил его за ноги, и он был вытащен из круга. Дальнейшая судьба его осталась для меня неизвестной.

В этот момент я понял, что пропал. Какие-то люди с криком «Обыскать его, обыскать!» стали шарить по моим карманам. Я видел промелькнувший бумажник, машинально вырвал у кого-то из рук мой серебряный портсигар, который в тот же момент был вырван из моих рук и исчез где-то в воздухе, а сам я оказался прижатым к стене.

Вероятно, это было бы последним переживанием в моей жизни, если бы неожиданно руки, со всех сторон меня шупавшие, не исчезли и передо мной не стоял вестовой лейтенанта Ушнева.

— Вам надо уходить, — тихо сказал он мне. — Ребята! Товарищи! Так нельзя, за это ответить придется. Его надо в Экипажный Революционный комитет сдать, там уж знают, как с ним поступить.

Я не знаю, громко он говорил или нет, как не знаю, какое впечатление произвели его слова. Он говорил что-то еще, но рев толпы покрыл все. «Кидай его в окно, кидай! Чего смотришь?»

От меня до окна, в которое меня собирались выбросить, было метров тридцать забитого народом пространства. Подоконник окна находился выше человеческого роста, а стены дома были в полтора метра толщины; само помещение находилось в четвертом этаже, но так как высота этажей была очень большая, то фактически это соответствовало шестому этажу нормального городского дома. Не знаю, как я очутился у окна; очевидно, я сам к нему направился, я уже плохо соображал и, считая дело свое окончательно проигранным, как бы окаменел, ожидая скорого конца. В момент, когда я находился уже перед окном, кто-то ударил меня сзади прикладом по голове. Удар был недостаточно силен, чтобы меня убить, но в голове все помутилось, и я подумал: «Только бы не упасть, забьют». Мысль, конечно, в тот момент глупая невероятно, но в такой обстановке трудно думать умно.

Я внезапно почувствовал, что легко отделяюсь от земли и лечу в окно. У меня было ощущение, что я это делаю сам, без посторонней помощи.

В следующий момент я лежал на широком подоконнике и смотрел вниз на булыжную мостовую двора, о которую сейчас разобьется моя голова. Эта мысль вывела меня из оцепенения, я снова получил способность действовать.

Сильным рывком я прыгнул обратно в помещение; теперь я никого и ничего не видел, но во мне закипела злость. Полным голосом я заорал: «Сволочи! Вот вы как! Так я с вами дела больше не желаю иметь!» — и, скрепив это самой площадной руганью, решительно двинулся на толпу с криком в самой повелительной форме: «Дай пройти!» Люди стали быстро раздвигаться, и кругом раздавались возгласы: «Дай пройти, дай пройти!»

Все это я проделал инстинктивно, без всякой мысли; это был экспромт. В данном случае экспромт удался, и быстрыми шагами при гробовом молчании всей массы людей я дошел до лестницы.

У меня как-то прояснилось в голове и мелькнула мысль — «только бы не столкнули с лестницы». Она была крутая и без перил; я на секунду задержался и, оглядевшись кругом, увидел около меня двух унтер-офицеров и несколько матросов моей роты. Мысль о возможности толчка, видимо, явилась и у них, и они круто осадили людей, попятившихся назад. Этим я выиграл несколько секунд, в которые успел сбежать с лестницы.

Внизу стоял вестовой лейтенанта Ушнева с моим пальто и фуражкой. Накинув на меня и то, и другое, он сказал скороговоркой: «Теперь уходите скорей, Ваше Благородие!» Я сделал бы это и без его совета. Конкретной мысли, куда идти и что делать, у меня не было. Выйдя из казарм, машинально перешел улицу и свернул налево в сторону Васильевского острова.

Тут я еще раз проявил храбрость и мужество, сам того не подозревая. Как мне потом рассказывали очевидцы, по мне стреляли из окон, а я спокойно, не ускоряя шага, шел вдоль казарм, не слыша выстрелов и не подозревая опасности. Я думаю, что если бы я их слышал, то побежал бы зайцем, но этого не произошло, и я сохранил лицо в глазах моих бывших подчиненных, которые позже высказывали восхищение моей выдержкой.

Я жил на 8-й линии Васильевского острова у моего дяди, и было бы, конечно, совершенно естественно, если бы я пошел домой. Но, находясь как в тумане, я двинулся совершенно беспланово. Пройдя Ксенинский институт⁶⁰, я свернул на Галерную улицу, где был остановлен несколькими пьяными солдатами, просившими у меня заступничества на случай, если все обернется обратно и придется отвечать за содеянное. Я им это великодушно обещал и даже спросил их фамилии, которые тут же забыл, и двинул дальше.

Этот разговор привел меня несколько в себя, и я стал думать, куда мне идти и что делать. Мой домашний адрес был в Экипаже известен, а потому я опасался, что мои ликвидаторы могут туда явиться, чтобы докончить то, что им не удалось сделать в казармах. Я решил, что благоразумнее будет пойти к родителям моей невесты и там обдумать, что делать дальше.

Остановившись на этом решении, я через Дворцовый и Биржевой мосты перебрался на Петербургскую сторону и пошел по назначению.

Этот поступок еще раз спас мне жизнь, так как матросы действительно явились на мою квартиру в поисках моей персоны.

Я же пришел к невесте, снял шинель и фуражку и вошел в столовую, где все сидели. Очевидно, мой вид с сорванными погонами и странным выражением лица был таков, что не требовал слов разъяснения. Моя невеста закрыла лицо руками и разрыдалась, упав на стул.

Продолжение следует

1. *Петербургская сторона* (с 1914 г. Петроградская) — старейшая из центральных частей Санкт-Петербурга, расположенная на четырех островах: Аптекарском, Заячьем, Петровском и Петроградском, омываемая р. Невой, Кронверкским проливом, Малой Невкой, Ждановкой, Карповкой и Большой Невкой.
2. *Конка* (конно-железная городская дорога) — вид общественного транспорта, представлявший собой запряженный двумя лошадьми вагон ок. 8 метров длиной на рельсовом ходу. Обслуживалась кучером и кондуктором. Была создана в Санкт-Петербурге в 1863 г. и просуществовала до сентября 1917 г., пока не была окончательно вытеснена трамваем, появившимся в 1907 г.
3. *Матвеевская* — улица на Петербургской стороне, проходившая от Большого проспекта до Сытнинской ул. Именовалась по названию церкви св. апостола Матфея, расположенной на ней. В 1920-е гг. переименована в ул. Калинина, в 1956 г. влилась в ул. Ленина.
4. *Широкая* — улица на Петербургской стороне, проходившая между Большим и Левашовским проспектами. В 1923 г. переименована в ул. Ленина.
5. *Введенская* — улица на Петербургской стороне, проходящая между Большим и Кронверкским проспектами. Получила название во имя располагавшейся на ней Введенской церкви. В 1920 г. была переименована в ул. Розы Люксембург, в 1952 г. — ул. Олега Кошевого, в 1995 г. улице возвращено историческое название.
6. *Большая Спасская* — улица на Петербургской стороне, проходившая между Большим проспектом и Новолодожской ул. Получила название в нач. XIX в. по имени располагавшейся на ней церкви Спаса Преображения. В 1920 г. переименована в ул. Красного Курсанта.
7. *Большая Гребецкая* — улица на Петербургской стороне, пересекавшая Большой проспект, шла от Большой Пушкарской ул. до Корпусной ул. Брала свое название от Гребецкой слободы, где в XVIII в. жили гребцы галерного флота. В 1932 г. переименована в Пионерскую ул.
8. *Зверинская* — улица на Петербургской стороне у Большого проспекта. Примыкает к Зоопарку, от чего и берет название.
9. *Жуков* Василий Григорьевич (1796–1881), мещанин города Порхов (Псковская губ.). Купец 1-й гильдии, коммерции советник, потомственный почетный гражданин. Крупный российский фабрикант и заводчик, владелец мыловаренного, табачного, бумагопрядильного, маслобойного и др. производств. Председатель Петербургского биржевого комитета в 1839–1842 гг., Петербургский городской голова 1846–1850 гг.
10. *Чесуча* — грубоватая матовая шелковая ткань с неравномерной рельефной поверхностью полотняного переплетения желтовато-белого цвета из волокна дикого шелкопряда. Чесучу привозили и ввозили из Китая. Вырабатывалась также хлопчатобумажная чесуча.
11. *Карьер* — самый быстрый бег лошади, ускоренный галоп.
12. *Брандмейстер* (брандмайор) — полицейский чиновник, управляющий пожарной командой.
13. *«Пантофельные» новости (устар.)* — информация, передающаяся устным путем, зачастую носящая характер слухов.
14. *Части города* — с 1737 г. административно-территориальное деление Санкт-Петербурга, после 1917 г. заменено на районное.
15. Телефонная связь начала действовать в Санкт-Петербурге в 1882 г., после сооружения телефонной линии Санкт-Петербург–Гатчина протяженностью 47 км и ввода в строй первой телефонной станции международной компании телефонов «Белла» на 200 аabo-

- нентов. Первоначально абонентская плата за телефонную связь была очень дорогой и составляла 250 рублей в год, но позже была снижена до 55 рублей в год. Несмотря на дороговизну, Петроградская городская телефонная сеть развивалась очень быстро и к 1917 г. насчитывала более 57 000 абонентов, превратив Петроград в самую телефонизированную столицу Европы.
16. «Московская» фуражка — гражданский головной убор оригинального покроя.
  17. Вероятно, *Бараков* Михаил Федорович, купец, глава и владелец крупной петербургской рыботорговой фирмы «Братья Бараковы» — активный член Российского общества рыболовства и рыболовства.
  18. Речь идет о доме 55 по Большому проспекту Петербургской стороны, принадлежавшему домовладельцу Павлу Васильевичу *Негодяеву*.
  19. Имеется в виду дом 53 по Большому проспекту Петербургской стороны, в то время принадлежавший купцу и домовладельцу Ивану Ивановичу и его супруге Александре Ивановне *Герасимовым*.
  20. Одна из девяти булочных купца 2-й гильдии Ивана Васильевича *Цырина* (1868–?), выходца из семьи петербургских пекарей и кондитеров, располагалась в доме Герасимовых.
  21. Автор путает фамилию. В доме Герасимовых располагалась рамочная, багетная и шкатулочная торговля Алексея Дмитриевича *Шомина*.
  22. Речь идет о доме 51 по Большому проспекту Петербургской стороны, где находился магазин мануфактурных товаров купца Василия Кузьмича *Пискарева* (1868–?).
  23. *Ведомство Учреждений Императрицы Марии* — совокупность благотворительных, попечительских и воспитательных организаций, находившихся под Высочайшим покровительством Царствующей либо Вдовствующей Императрицы, руководимых Четвертым отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярией. Создано в 1828 г. Упразднено в 1917 г.
  24. *Графиня Лаваль* Александра Григорьевна (1772–1850) — дочь статс-секретаря Императрицы Екатерины II Г. В. Козицкого. С 1799 г. супруга французского эмигранта Ивана Степановича Лавала, камергера и церемониймейстера Высочайшего Двора, ставшего в 1816 г. графом Французского королевства. Владела крупными заводами на Урале. Содержала литературный салон. Основала открытый 4 июня 1836 г. на Большом проспекте Петербургской стороны, 68 Лавальский (Лавалевский) приют, смотрительницей которого в конце XIX – нач. XX вв. была бабушка Б. В. Бьёркелунда Александра Федоровна Стенберг (урожд. Розинская).
  25. *Елизавета Маврикиевна* (1865–1927), Великая княгиня. Урожденная принцесса Елизавета-Августа-Мария-Агнесса Саксен-Альтенбургская. С 1884 г. супруга Великого князя Константина Константиновича (в православии не переходила). Попечительница Императорского женского патриотического общества. Умерла в эмиграции в Германии.
  26. *Константин Константинович* (1858–1915), Великий князь. Внук императора Николая I, второй сын генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича (1827–1892). Выпускник Морского училища 1876 г. С 1878 г. флигель-адъютант, лейтенант флота. В 1884 г. переведен из флота в армию. С 1900 г. главный начальник (с 1910 г. генерал-инспектор) военно-учебных заведений. С 1901 г. генерал-адъютант, с 1907 г. генерал от инфантерии. С 1889 г. президент и почетный академик Императорской Академии наук, с 1892 г. председатель Русского археологического общества. Поэт, переводчик и драматург, писавший под псевдонимом «К. Р.».
  27. Речь идет о какой-то другой даме, поскольку младшая из пяти дочерей генерал-фельдмаршала, Светлейшего князя Михаила Илларионовича *Голенищева-Кутузова-Смоленского* (1745–1813) — *Дарья Михайловна* (в замужестве *Опочинина*), скончалась в 1854 г. В 1859 г. по Высочайшему указу старшему внуку фельдмаршала генерал-майору Павлу Матвеевичу Толстому (1800–1883) было разрешено именоваться фамилией «Голенищев-Кутузов-Толстой». Кроме того, до наших дней продолжают существовать графская и дворянская ветви рода Голенищевых-Кутузовых.
  28. *Лавальский приют* окормляли священники церкви св. апостола Матфея на Петербургской стороне.
  29. *Львов Николай Николаевич*, из дворян Орловской губернии. Шталмейстер Высочайшего Двора. Действительный статский советник, служил при Собственной Е. И. В. Канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Председатель комитета для сбора пожертво-

- ваний в пользу Санкт-Петербургских детских приютов. Директор правления мужского благотворительного тюремного комитета.
30. *Великие княжны Ольга* (1895–1918) и *Татьяна* (1897–1918) *Николаевны* — старшие дочери императора Николая II. Основанный в 1907 г. Детский приют для девочек-сирот Великой княжны Ольги Николаевны размещался по тому же адресу, что и Лавальский приют (Большой проспект Петербургской стороны, д. 68).
  31. *Дальнейшая часть воспоминаний о детстве*, к сожалению, так и не была написана автором.
  32. *Морской корпус* — военно-морское учебное заведение, готовившее офицеров Русского Императорского флота. Ведет начало от Школы математических и навигацких наук, основанной в 1701 г. в Москве, и Академии морской гвардии, созданной в 1715 г. в Санкт-Петербурге, объединенных в Морской шляхетный кадетский корпус, в 1802 г. переименованный в Морской кадетский корпус, с 1869 г. — Морское училище, с 1891 г. — вновь Морской кадетский корпус, с 1906 г. — Морской корпус, с 1916 г. — вновь Морское училище. Подразделялся на кадетские и гардемаринские классы, срок обучения 4–6 лет. По окончании курса кадеты, сдав экзамен, получали офицерский чин мичмана. В 1918 г. продолжил свое существование во Владивостоке, затем на Черном море, с 1921 г. и вплоть до официального роспуска в 1925 г. — в Бизерте (Французский Тунис). В Санкт-Петербурге (Петрограде) с 1752 г. Морской корпус располагался в бывшем доме графа Б.-Х. А. Миниха (Николаевская набережная (ныне наб. Лейтенанта Шмидта), 17).
  33. «*Петропавловск*» — линейный корабль (линкор) Русского Императорского флота. Заложен 3 июня 1909 г. в Петербурге, спущен на воду 14 августа 1911 г., вступил в строй 9 декабря 1914 г. Состоял при 2-м Балтийском экипаже. Участвовал в Первой мировой войне. К 1917 г. состав экипажа: 31 офицер, 28 кондукторов и 1065 нижних чинов. Команда линкора приняла участие в революционных событиях 1917 г. и вошла в состав РККФ. Участвовал в Гражданской войне. В марте 1921 г. переименован в «Марат». Участвовал в Кронштадтском мятеже. Прошел капитальный ремонт и модернизацию в 1928–1931 гг. 23 сентября 1941 г. во время авиационного налета получил тяжелые повреждения, после чего и использовался в качестве плавбатареи. В 1950 г. переименован в «Волхов». В 1951 г. перестроен в несамостоятельное учебное судно. 4 сентября 1953 г. исключен из списков судов ВМФ.
  34. *Михайлов Кирилл Дмитриевич* (1895–1917), выпускник Морского корпуса 1916 г. Мичман линкора «Петропавловск». Убит матросами в Гельсингфорсе, захоронен на Православном кладбище Хельсинки.
  35. *Кондыба Дмитрий Михайлович* (1896–1917), выпускник Морского училища 1917 г. Мичман линкора «Петропавловск». Убит матросами в Гельсингфорсе, захоронен на Православном кладбище Хельсинки.
  36. *Кондратьев Михаил Евгеньевич* (1896–1917), выпускник Морского училища 1917 г. Мичман линкора «Петропавловск». Убит матросами в Гельсингфорсе, захоронен на Православном кладбище Хельсинки.
  37. Имеется в виду семья купца *Александра Ивановича Боричева* и его супруги *Елизаветы Дмитриевны Боричевой* (урожд. *Соловьевой*), проживавшая на Большом проспекте Петербургской стороны, 45.
  38. В это время Б. В. Бьеркелунд проживал у своего дяди, купца 1-й гильдии *Яльмара Германовича Хеккерта* (1855 — кон. 1920-х), агента Финляндского пароходства, по адресу: 8-я линия Васильевского острова, 9.
  39. *2-й Балтийский флотский экипаж* — военно-морская часть Балтийского флота, сформирована в 1810 г. Численность на 1917 г. около 5000 человек. Дислоцировался в Санкт-Петербурге в т. н. Крюковских (морских) казармах (построенных в 1844–1852 гг. военным инженером М. А. Пасыпкиным и архитектором И. Д. Черником) на набережной Крюкова канала, 2 и Благовещенской ул., 7 (ныне ул. Труда), Благовещенской площади, 7 (ныне пл. Труда) и Большой Морской ул., 69. Экипаж участвовал в большинстве войн, ведшихся вплоть до Первой мировой войны. Матросы Экипажа приняли активнейшее участие в Февральской и Октябрьской революциях. Расформирован в 1918 г.
  40. *Гирс Александр Константинович* (1859–1917), из дворян. Выпускник Морского училища 1879 г. С 1906 г. капитан I ранга. В 1907–1908 гг. командир крейсера «Олег». По Высочайше утвержденному приговору Военно-морского суда отстранен от должности. В 1909 г. Председатель комиссии по пересмотру положения о применении окладов для морских

- чинов и председатель комиссии для выработки и установления определенных норм потребности в угле на плавание судов флота. С 1911 г. командир 2-го Балтийского флотского экипажа. С 1912 г. генерал-майор по Адмиралтейству. Убит матросами экипажа у себя на квартире.
41. *Гвардейский экипаж* — военно-морская гвардейская часть, сформирована 16 февраля 1810 г. в составе четырех строевых рот и артиллерийской команды. Полковой праздник 6 декабря. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г., Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Польской кампании 1830–1831 гг., Крымской войне 1853–1856 гг., подавлении Польского восстания 1861–1863 гг., Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Китайской кампании 1900–1901 гг., Русско-японской и Первой мировой войнах. Последний шеф — Вдовствующая императрица Мария Федоровна. На январь 1917 г. насчитывал 4400 моряков. В дни Февральской революции, несмотря на противодействие части офицеров, перешел на сторону восставших. 8 марта 1917 г. командир Экипажа Великий князь Кирилл Владимирович сложил с себя полномочия и был заменен капитаном II ранга М. М. Лялиным. Расформирован 3 марта 1918 г. В начале XX столетия казармы Гвардейского экипажа занимали участок между Екатерингофским просп., Екатерининским (ныне Грибоедова) каналом и Крюковым каналом.
  42. «*Олег*» — бронепалубный крейсер Российского Императорского флота. Заложен 1 ноября 1901 г. в Санкт-Петербурге, спущен на воду 14 августа 1903 г. Состоял в Гвардейском экипаже. Экипаж 21 офицер и 559 матросов. Во время Русско-японской войны участвовал в Цусимском сражении. Интернирован в Маниле 21 мая 1905 г. Во время Первой мировой войны — на Балтийском флоте. Команда крейсера участвовала в революционных событиях 1917 г. и вошла в состав РККФ. Потоплен английским торпедным катером СМВ-4 в Финском заливе, у Толбухина маяка, 18 июня 1919 г.
  43. *Скворцов Николай Федорович* (1869 — после 1917), из дворян. В службе с 1890 г. Переведен по Адмиралтейству в 1903 г. Начальник строевой и оружейной части 2-го Балтийского экипажа. С 1916 г. полковник по Адмиралтейству. Секретарь Совета Общества телесного воспитания «Богатырь».
  44. Вернее: *Колушев Владимир Павлович* (1895–?), выпускник Морского корпуса 1915 г.
  45. Часть состава Лейб-гвардии Литовского полка после занятия Германской армией в 1915 г. их постоянного места дислокации города Варшавы разместились в казармах Лейб-гвардии Конного полка в Петрограде (Конногвардейский бул., 4; Конногвардейский пер., 2; Почтамтский пер., 1; Ново-Исаакиевская (ныне Якубовича) ул., 3).
  46. *Кирилл Владимирович* (1876–1938), Великий князь. Внук императора Александра II, двоюродный брат императора Николая II. Выпускник Морского кадетского корпуса 1896 г. и военно-морского отделения Николаевской морской академии 1912 г. Флигель-адъютант. Плавал на кораблях Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов. Участник Русско-японской войны. В 1905 г. был уволен со службы и покинул Россию в связи с вступлением в не разрешенный императором брак с Великой княгиней Викторией Федоровной (1876–1936), урожденной принцессой Великобританской и Саксен-Кобург-Готской, разведенной Великой герцогиней Гессенской и Рейнской. В 1907 г. после признания брака вернулся в Россию и был восстановлен на службе. С 1915 г. контр-адмирал, командир Гвардейского экипажа и начальник морских батальонов и флотилий в действующей армии. После Февральской революции вышел в отставку и уехал в Финляндию. Жил в эмиграции в Германии, затем во Франции. Глава Российского Императорского дома и лидер русской монархической эмиграции. С 1922 г. местоблеститель императорского престола, с 1924 г. российский император в изгнании. Роль Великого князя Кирилла Владимировича в Февральской революции очень неоднозначна. Большинство мемуарных источников утверждают, что Великий князь хотел спасти положение, предлагая задействовать Гвардейский экипаж в подавлении беспорядков в столице. Его политическими противниками в эмиграции был сочинен «миф о красном банте» на мундире Великого князя, не находящий подтверждения в газетных публикациях того времени и в большинстве мемуаров непосредственных участников событий (подробнее см.: *Закатов А. Н.* Император Кирилл I в февральские дни. М., 1998).
  47. *Ушнев Евгений Сергеевич* (1892 — после 1917), из дворян. Выпускник Морского корпуса 1914 г. Службу начал в 1-м Балтийском флотском экипаже, затем офицер 2-го Балтийского флотского экипажа. С 1917 г. лейтенант.

48. *Григорович Иван Константинович* (1853–1930), из дворян. Окончил Морское училище (1874). Службу начал во 2-м Балтийском флотском экипаже. Служил на различных флотских должностях на Балтийском флоте, совершал плавания по Атлантическому и Тихому океанам. В 1896–1898 гг. морской агент в Англии. С 1904 г. контр-адмирал, участник Русско-японской войны, в 1904 г. командир порта Порт-Артур. В 1905–1906 гг. начальник штаба Черноморского флота. В 1906–1908 гг. командир порта в Либаве, 1908–1909 гг. военный губернатор Кронштадта. С 1909 г. вице-адмирал, товарищ Морского министра. С 1911 г. адмирал, Морской министр, с 1912 г. генерал-адъютант, с 1913 г. член Государственного Совета. Противоречивое поведение в дни Февральской революции дало основание подозревать его в сочувствии к революционерам. Описываемый случай не является единственным свидетельством изменнической деятельности Григоровича: к примеру, адмирал первым из царских министров вступил в контакт с Думой, в начале беспорядков заявил, что не будет делать никаких приготовлений к их подавлению, потребовал от защитников самодержавия покинуть Адмиралтейство и т. д. 24 марта 1917 г. был уволен с мундиром и пенсией. В советское время эксперт Военно-морской комиссии по исследованию опыта войны 1914–1918 гг. на море и сотрудник Главархива. В 1924 г. с разрешения Советского правительства эмигрировал во Францию, где и скончался.
49. *Эсен Николай Оттович фон* (1869–1915), сын действительного тайного советника. Выпускник Морского училища 1880 г. и механического отделения Николаевской морской академии 1886 г. Во время Русско-японской войны, при обороне Порт-Артура, — командир эскадренного броненосца «Севастополь». В 1909–1915 гг. командующий Балтийским флотом. С 1913 г. адмирал. Во время Первой мировой войны организовал успешную минную заградительную оборону в Финском заливе, чем сковал действия Германского флота на Балтике. Пользовался большим уважением и авторитетом на Русском флоте.
50. *Карцев (Карцов) Виктор Андреевич* (1868–1936), из дворян. Сын действительно статского советника. Выпускник Морского училища (1889 г.). Участник Русско-японской войны. В 1910–1913 гг. морской агент во Франции, Бельгии, Испании и Португалии. В 1913–1914 гг. командир крейсера «Аврора». С 1914 г. директор Морского корпуса, с 1916 г. начальник Морского училища. Супруг Марии Ивановны Григорович (1885–1963), дочери Морского министра. С 1916 г. вице-адмирал. Во время Февральской революции 1917 г. не задействовал кадет и гардемарин для подавления беспорядков в Петрограде. В те же дни жестоко избит солдатами запасного батальона Лейб-гвардии Финляндского полка, затем арестован. Пытался совершить попытку самоубийства. В апреле 1917 г. отправлен в отставку. Остался в СССР, работал в Ленинграде в институте «Гидрометео». В 1930 г. арестован, сослан в Архангельск, где и умер.
51. *Николаевский мост* — первый постоянный (разводной) мост в Санкт-Петербурге через р. Неву. Соединяет Адмиралтейский остров (в районе Английской наб.) с Васильевским островом. Первоначально носил название Благовещенский мост. Открыт в 1850 г. по проекту инженера С. В. Кербе, с архитектурным оформлением А. П. Брюллова. В 1855 г. был назван в честь императора Николая I. В 1918 г. переименован в мост Лейтенанта Шмидта, в память о лейтенанте Черноморского флота, в 1905 г. поднявшего революционный мятеж на крейсере «Очаков». В 2007 г. ему было возвращено первоначальное название — Благовещенский мост.
52. *Князь Белосельский-Белозерский Эспер Константинович* (1872–1921), выходец из древнего русского аристократического рода. Сын генерал-лейтенанта. Выпускник Морского кадетского корпуса 1892 г. Офицер 2-го Балтийского флотского экипажа. После революции подал в отставку в чине старшего лейтенанта. Участник Белого движения. Капитан II ранга. Умер в Париже в эмиграции.
53. Полное название: *Временный комитет Государственной Думы по восстановлению порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами* — был создан во время Февральской революции 27 февраля 1917 г. депутатами Думы, входившими в Прогрессивный блок, под председательством М. В. Родзянко, с целью установления контроля над Петроградом со стороны думско-советской оппозиции. Взял на себя 1 марта управление страной и по договоренности с руководством Петроградского совета создал Временное правительство. Затем действовал как представительный орган Государственной Думы и был ликвидирован 6 октября 1917 г. после ее официального роспуска.

54. *Родзянко Михаил Владимирович* (1859–1924). С 1906 г. действительный статский советник, один из организаторов и член ЦК «Союза 17 октября». В 1906–1907 гг. член Государственного Совета по выборам. С 1907 г. член III Государственной Думы, с 1910 г. председатель фракции октябристов, с 1911 г. председатель Государственной Думы, после переизбрания занял тот же пост в Думе IV созыва. С июля 1915 г. один из руководителей оппозиционного Прогрессивного блока. Один из лидеров Февральской революции, 27 февраля 1917 г. избран председателем Временного комитета Государственной Думы, от имени комитета вел по телеграфу переговоры со Ставкой, завершившиеся отречением Николая II и созданием Временного правительства, в которое, однако, Родзянко не вошел. До октября 1917 г. продолжался считаться председателем Думы.
55. *Таврический дворец* — построен в 1783–1789 гг. архитектором И. Е. Старовым для князя Г. А. Потемкина-Таврического. В 1906–1917 гг. во дворце заседала Государственная Дума. В описываемые дни Февральской революции — центр антимонархического восстания в Петрограде, а также тюрьма для активных сторонников царской власти.
56. *Гучков Александр Иванович* (1862–1936). Один из создателей и с 1906 г. председатель ЦК партии «Союз 17 октября». Член III Государственной Думы, с 8 марта 1910 г. по 14 марта 1911 г. ее председатель. В 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Государственного Совета по выборам. В дни Февральской революции — комиссар Временного комитета по Военному министерству. 2 марта вместе с В. В. Шульгиным принял в Пскове отречение Николая II от престола. Со 2 марта по 2 мая 1917 г. военный и морской министр в первом составе Временного правительства. После Октябрьской революции первым дал деньги на создание Добровольческой армии.
57. *Шульгин Василий Витальевич* (1878–1976). Убежденный националист, депутат II, III и IV Государственной Думы от фракции правых. 27 февраля 1917 г. избран в состав Временного комитета Государственной Думы. Вместе с Гучковым принял документ об отречении Николая II. Активный сторонник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Сербии. В 1944 г. вывезен в СССР, до 1956 г. в заключении. Умер во Владимире.
58. Возможно, имеется в виду иное лицо, поскольку адъютантом 2-го Балтийского флотского экипажа был капитан II ранга Борис Дмитриевич Лодыгин (1879–1965).
59. *Литовский* (или Семибашенный) *замок* — петербургская городская тюрьма, находилась в Коломне, у пересечения р. Мойки и Крюкова канала. Построен в 1783–1787 гг. по проекту архитектора И. Е. Старова под казармы Литовского мушкетерского полка (отсюда название). В 1823–1824 гг. перестроен архитектором И. И. Шарлеманем под тюрьму для уголовных преступников. Имел 103 камеры, церковь Спаса Всемилоственного, католическую и лютеранскую часовни. В дни Февральской революции 1917 г. полностью сожжен бунтовавшей толпой.
60. *Ксенинский институт* (полное название: *Женский институт имени Великой княгини Ксении Александровны*) — женское учебное заведение. Открыт 1894 г. в Николаевском дворце Санкт-Петербурга, Благовещенская пл., 4 (ныне пл. Труда) по случаю бракосочетания старшей дочери императора Александра III Великой княгини Ксении Александровны (1875–1960) и Великого князя Александра Михайловича (1866–1933). В это учебное заведение принимались дочери штаб-офицеров и генералов, «исключительно полусироты» и только дворянского происхождения. По решению Совета народных комиссаров от 26 ноября 1917 г. здание Ксенинского института было передано в ведение Петроградского Совета профсоюзов. Последний выпуск воспитанниц состоялся 4 марта 1918 г.

Международная ассоциация «Русская культура» планирует издать воспоминания Б. Бьёркелунда отдельной книгой в качестве приложения к альманаху и приглашает меценатов и просто добровольных пожертвователей к участию в проекте.

Контактные данные Ассоциации и редакции находятся в начале номера.